

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5908112>

The Rembrandt Files

Направленность: Гет

Автор: [lenfaz](#)

Переводчик: [Jewel of the Realm \(https://ficbook.net/authors/2319315\)](https://ficbook.net/authors/2319315)

Оригинальный текст: <http://archiveofourown.org/works/4452545/chapters/10115744>

Фэндом: Однажды в сказке

Пейринг или персонажи: Киллиан Джонс/Эмма Свон; Тинк/Лиам

Рейтинг: R

Жанры: Романтика, Флафф, AU

Предупреждения: OOC

Размер: Миди, 56 страниц

Кол-во частей: 16

Статус: закончен

Описание:

Киллиан Джонс — уважаемый музейный куратор, который фокусируется главным образом на искусстве 19 века. Эмма Свон — восходящий современный художник, яростно защищающий свою работу. Когда Киллиан начинают курировать первую выставку Эммы, дела идут не очень гладко, но вскоре они понимают, что им есть чему поучиться в искусстве. И в любви.

Посвящение:

Darya Mrosey ♥

Вдохновителем на большинство моих переводов является Алекс Мелроуз. Не знаю, переводила бы я вообще, если бы не её любовь к моим работам.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Встреча с куратором	3
Встреча с художником	5
Первые впечатления	7
Вторые впечатления	11
Композиции	16
Эскизы	23
Граффити	26
Штрихи	28
Резьба	32
Древесный уголь	35
Рисунки	41
Картины	44
Выставка	48
Проникновение	53
Безумно влюблённый	58
Эпилог	61

Встреча с куратором

Конфиденциальность — это преимущество для закоренелого наблюдателя.

Blur — Parklife

— Чёрт возьми, — Киллиан раздраженно вздохнул, проведя по волосам и расшагивая взад и вперед в своём кабинете. — У меня действительно нет времени на это!

— Это твоя работа, ты понимаешь это? — Тинк — девушка со светлыми забранными в пучок волосами, сидела на диване и стирала лак с ногтей. — В конце концов, ты куратор музея и..

— А ты главный реставратор, разве ты не можешь помочь ей, а меня оставить в тишине и покое? — пробормотал он сквозь стиснутые зубы, сжав руку в кулак.

— Ты любишь спихнуть на меня всё, — усмехнувшись, она наклонила голову.

Он усмехнулся ей, наслаждаясь своим обычным подшучиванием над ней. Они постоянно стебали друг друга: иногда цинично, иногда с презрением, но они всё равно заботились друг о друге.

— Я не курирую современное искусство, Тинк. Я не заинтересован в этом, — сказал он угрюмым голосом, смотря на неё.

— И я знаю, что для этого есть причина, Киллиан, — выразилась она. — Но она — восходящая звезда. И у неё будет проходить её первая выставка. Конечно, они хотят, чтобы ты проверил и оценил её работы. Ты для них авторитет.

— Есть причина, по которой мне нравилось курировать искусство 19 века, Тинк, — без эмоций сказал он, смотря на стену позади Тинк, на которой играл лучик света. — Но художники мертвы.

— Киллиан! Это жутко даже для тебя! — она распахнула глаза от его слов.

— Я не хочу иметь дело с художником-новичком и хипстером, который входит в последние тенденции и, вероятно, имеет своё завышенное мнение. У меня нет времени лелеять самолюбие художника. Или слушать мнение о том, как мне выполнять мою работу.

— Это их искусство. Их выставка.

— Но моё имя тоже будет светиться. Я буду отвечать за эту выставку и мне влетит, если критики не оценят её работы, — он провел рукой по волосам.

— Ты хотя бы видел её работы? — с досадой ответила Тинк. — Иногда ты слишком самоуверен, Киллиан Джонс.

Киллиан попятился к столу, его глаза начали бегать по иллюстрациям, лежащим там. Он поднял одну и посмотрел на неё более подробно.

— Хорошие работы. Я не говорю, что она плохой художник, но.., — он заколебался, прищурив глаза. — Чего-то не хватает. Я не знаю, чего именно, но здесь есть что-то такое, что должно раскрыться, я не понимаю смысл, который она вложила в работу.

Он поднял глаза, чтобы посмотреть на Тинк, та ему ухмыльнулась.

— Что? Ты сама мне сказала посмотреть работы, — сказал он в свою защиту и положил иллюстрации на стол. Он перевёл взгляд на фоторамку женщины и мужчины, которая стояла там же. — Ты звонила ему? — спросил он её.

— Нам не о чем с ним разговаривать, Киллиан, — Тинк поерзала на диване.

— У него не было выбора, Тинк, — защищал брата Киллиан, — пойми ты это.

— Киллиан, не лезь, — умоляла его Тинк, она покачала головой, смахивая слёзы. — И вообще, мы говорили о твоей невыносимой заднице, а не о твоём брате, — ругала она его.

Киллиан глубоко вздохнул, снова взглянув на иллюстрации на столе. Он чувствовал себя в ловушке, в клетке. Он почувствовал, что должен разгадать смысл этих иллюстраций, но сначала ему нужно успокоить своих внутренних демонов.

Покачав головой из стороны в сторону, массируя шею, он схватил свою сумку и надел её на плечо.

— Душно здесь, пойду я, — коротко объявил он, направляясь к двери.

— И куда ты? — спросил Тинк с недоумением.

— Ты точно знаешь, куда я иду, — Киллиан ухмыльнулся, обернулся и помахал рукой. — Позвони Лиаму, Тинк. Он скучает по тебе, — сказал он перед тем, как выйти из кабинета.

Встреча с художником

*Ты чувствуешь себя филиалом, практически брошенным,
Одним из многих нолей, слоняющихся повсюду в скуке..*

Blur — Coffee and TV

— Ни в коем случае! — решительно сказала Эмма, сузив глаза. Она сжала челюсть, вскинув бровями.

— У меня ребенок дома, мисс Свон. Эта тактика не оказывает на меня никакого влияния, — строго отрезала Реджина, сузив глаза, прежде чем продолжить. — Нам очень повезло, что музей назначил куратором твоей первой выставки именно Киллиана Джонса. Это их мнение о тебе.

— И какое же у них обо мне мнение? — спросила Эмма, вздыхая, скрестив руки на груди, держа решительную позицию.

— Они думают, что ты та, кто достойна лучшего, — самодовольно улыбаясь, сказала Реджина.

Эмма закатила глаза.

— Мне не нужен куратор. Я сама могу сделать свою выставку, — в защиту себя сказала она.

— Эмма, это их работа. Они готовятся к этому. Я уверена, что выставка будет замечательной, — сказала Мэри Маргарет, а Эмма прищурилась. Иногда её оптимизм сводил Эмму с ума.

С самого начала её жизнь не была оптимистичной, в том числе то, что она по ошибке молодости села в тюрьму. Когда она вышла из тюрьмы, она работала консультантом в новой новаторской программе, где были люди одного возраста. Именно там Эмма познакомилась с новичком Дэвидом Ноланом, который, послушав её рассказ о жизни, сразу же позвонил своей матери. Именно так Эмма Свон оказалась в старой спальне Дэвида, где её приютила мать Дэвида — Рут, и вдохновила найти работу по душе. В перерывах между работой официанткой и подготовкой к экзаменам она нашла свою страсть в жизни. *Искусство*. И в первый раз в жизни её поощряли и поддерживали.

И вот десять лет спустя она готовится выставить свои работы на персональной выставке в крупном музее; готовится показать миру то, что она не могла сказать словами. И никто не должен в это вмешиваться. Особенно музейный куратор.

— Их работа?! — она вскинула руками, ходя по студии. — Большинство из них просто смешивают цвета и рисуют на стене. Любой может это сделать! — она вздохнула, провела рукой по ее лицу, её голос дрогнул, и в нём ощущался испуг и чувство собственного достоинства. — Я не хочу, чтобы меня учил какой-то традиционалист. Это

моё видение работ.

— Эмма, — Реджине было достаточно этого глупого разговора, — Киллиан Джонс — один из самых известных в области кураторской работы. Этот музей буквально увёл его из под носа у самого крупного британского музея, поэтому он переехал сюда с главным реставратором, с которым работает на данный момент. Он не курирует современное искусство, поэтому тебе выпал большой шанс, потому что глава музея хочет, чтобы именно он курировал твою выставку, — Реджина подняла руку, не дав Эмме говорить. — И это не обсуждается. Он будет курировать твою выставку.

Эмма снова вздохнула, осмотрев студию. Это был её шанс. Она это знала. Она всё равно сделает так, чтобы этот парень знал, кто у них будет за главного.

— Хорошо, — согласилась она, сжав губы.

Первые впечатления

*Да, все это стереотипы,
Жизнь не должна ограничиваться ими.
Всю свою жизнь ты мечтаешь,
А потом перестаешь мечтать,
И лишь время от времени вспоминаешь,
Что пора на очередную попойку...*

Blur — Stereotypes

Он, услышав стук в дверь, ответил «Входи!» и перевел взгляд на иллюстрации на его столе. Когда дверь открылась, он поднял глаза.

Первое, что он заметил, — её светлые волосы и невероятно красивые зелёные глаза. Солнечный свет из окна его кабинета бросал золотую ауру на её веснушчатое лицо и на секунду он подумал, что она решила его загипнотизировать. Уж красоту мира он повидал: он часами восхищался «Девой из скал» в Национальной галереи Лондона; он стоял в зале Лувра в Париже и смотрел лишь на невероятной красоты картину «Крылатая победа Самофракии». Тем не менее, в этот момент он не мог вспомнить, что могло бы быть красивее того, что он видел перед собой.

— Привет. Я Эмма Свон, — нерешительно сказала она, её голос вывел его из раздумий.

Он слегка покачал головой, подойдя к ней.

— Киллиан Джонс. Рад познакомиться с Вами, мисс Свон, — он протянул ей руку, вежливо улыбнувшись.

Эмма пожала Киллиану руку и вспомнила о том, о чем думала перед тем, как войти в кабинет. Накануне встречи она прокручивала их разговор раз за разом: что она ему скажет, как представится. Но она не ожидала увидеть молодого человека с темными взъерошенными волосами и голубыми глазами. Идеальный классический профиль был частью его особенностей: прямой нос, челюсть, скулы которой обрамляла щетина. Его лицо, казалось, было подобно мраморной скульптуре. Он стоял у стола, левая рука была в кармане. Он смотрел будто сквозь неё, она не знала, что он видит, но явно не её. Но его взгляд не был изумлённым или испуганным. Он пожал ей руку, она медленно улыбнулась, отдернув руку, и нервно убрала прядь волос за ухо, смотря в пол. Она снова подняла взгляд, осмотрев его: черные штаны, белая рубашка и черный пиджак. Отлично. Никаких цветных вещей, всё просто и лаконично.

Кроме его голубых глаз.

Киллиан наклонил голову, осматривая Эмму Свон, пока она не видела. Черные выцветшие рваные джинсы, шипованный пояс, черная выцветшая рубашка и кожаная куртка. Он улыбнулся, ведь когда-то он одевался так же. *Его тип. Определенно.*

Он встретился взглядом с её и увидел, что она с презрением смотрит на него, на что он вскинул бровями. Ему пришлось подавить внезапное стремление ухмыльнуться ей: её боевая позиция вызвала много воспоминаний. *Болезненных воспоминаний.*

Но он был профессионалом, поэтому он сделал шаг назад и жестом указал на стулья у своего стола.

— Присядешь?

Она прошла мимо него, и он боролся с желанием глубоко вдохнуть, поймав запах её духов. Он медленно подошел к другой стороне стола и взял один из иллюстраций на столе.

— Я тут ознакомливаюсь с вашей работой, мисс Свон., — он начал, но она остановила его.

— Эмма. Ты можешь называть меня просто Эммой, — предложила она.

Он улыбнулся ей.

— Эмма, хорошо. Как я уже говорил, я ознакомился с твоими работами и думаю, что, учитывая, что это твоя первая персональная выставка, мы могли бы сделать выставку с названием «Эмма Свон» и показать разные работы из разных коллекций, дать аудитории и критикам разобраться в диапазоне твоих работ, выбрав их на свой вкус.

— Как оригинально, — пробормотала она, скрестив руки на груди и глядя в сторону.

— Прошу прощения, милая? — спросил он смущенно, наклоняя голову.

Она посмотрела прямо на него, с гневом сказав:

— Название выставки – мое имя, и ты просто хочешь без логического смысла и порядка выставить мои работы, — выплюнула она слова. — Нашел лёгкий выход.

Он вздохнул.

— Я подумал, что если мы сконцентрируемся на одной теме, то это будет не лучшей идеей для выставки. Это может неблагоприятно повлиять на взгляд критиков на твой потенциал, — он закончил, проводя рукой по иллюстрациям на столе, не поднимая взгляд.

— Или это может быть успешным способом представить своё имя в определенной области искусства, — возразила она, всё ещё глядя на него.

— Тем самым ты привяжешь своё имя к определенному стилю, который впоследствии будет гложить тебя, потому что все будут требовать от тебя только этот стиль и ничего больше. А потом они устанут от этого и обвинят тебя в том, что ты рисуешь одно и то же, — возразил он, встречаясь с решительным взглядом. — Иногда придерживаться

традиционного способа — лучший выбор. Сделай выставку простой и приятной. Пусть аудитория сама выберет себе работы по вкусу и уже потом ты выберешь себе определенный стиль.

Эмма недовольно усмехнулась и снисходительно сказала:

— Ты, как мне утверждали, лучшее, что может случиться с моей выставкой, и своей яркой новаторской идеей ты хочешь меня обезопасить и защитить от кого-то? — она недоверчиво покачала головой.

Его правая рука сжала край письменного стола.

— Нет ничего плохого в том, чтобы действовать осторожно, — сказал он грубо.

Она встала, воинственно взглянув на него.

— Наверное, ты так делал в художественной школе, верно? Прежде чем принять решение на свой страх и риск, ты шёл за советом и помощью к своему куратору. Ну, чтобы всё предусмотреть.

Киллиан сжал челюсть, отводя взгляд, сосредоточив его на стене, успокоившись. Она видела, как его грудь то подымается, то опускается, прежде чем он взглянул на нее. Огонь и печаль в его глазах контрастировали с холодным, почти безжалостным тоном его голоса.

— Да, ты права. Всё было предусмотрено, — сказал он, медленно вытаскивая левую руку из кармана брюк, и поднял руку. Только вот руки там не было. Эмма начала задыхаться, когда всё поняла, она переводила взгляд от его левой руки к глазам. — Если я что-то не мог делать, за меня это делал куратор.

Она хотела коснуться его и попытаться найти слова, но он отошёл от неё и быстро шагнул к двери.

— Думаю, что на сегодня мы закончили, мисс Свон. Я провожу, — сказал он, открывая дверь.

Эмма кивнула, ее глаза снова встретились с его, прежде чем она опустила голову и покинула его кабинет.

Киллиан медленно закрыл дверь, выпустив тяжёлый вздох. Его правая рука метнулась к его левому запястью, медленно массируя свой обрубок, пытаясь сбить призрачную боль. Он медленно подошел к своему окну и стоял там, смотря в окно.

Эмма убежала из музея в спешке и стыде, она чувствовала свою вину, думая об этом, когда гуляла по улицам города. Ей нужно было успокоиться и сосредоточиться, а для этого ей нужно было найти искусство, и в этом ей помогли граффити и уличное искусство. Было что-то такое в распылительной краске, трафаретах, бирках, старой школьной эстетике, которая подпитывала ее собственное творчество. В этих работах она

видела страсть, ярость, ощущение, что человек, рисовавший это, заперт в клетке — всё это чувствовала и она сама. Она хотела разобраться в символике художника, который рисовал это, но не смогла прочитать его инициалы. Она, глубоко вздохнув, пошла к себе в студию, мысленно покидая музей.

Вторые впечатления

*Я профессиональный циник,
Но душа моя к этому не лежит.
Мне приходится расплачиваться
За такую жизнь.. на пределе*

Blur – Country House

Эмма услышала стук в дверь и, сделав глубокий вдох, пошла открывать. Она боялась этого момента с тех пор, как его секретарь позвонил и спросил, в какое время было бы удобно, чтобы Киллиан Джонс осмотрел её студию и выбрал некоторые картины для выставки.

Прошло пару дней с тех пор, как она покинула его кабинет. Всё это время она хотела извиниться, но понятия не имела, как это сделать. Она не могла рассказать об этой ситуации Реджине, потому что знала, что она ее отчитает. Да и видеть разочарованные лица Мэри Маргарет и Дэвида выше её сил. Поэтому она сделала то, что она делала лучше всего, – погрузилась в своё искусство и позволила своим эмоциям вырваться наружу. Ей нравилось гравить, нравились звук соскабливания, запах чернил, нежное надавливание на бумагу.

Она, открыв дверь, подняла на него взгляд. Он вежливо улыбнулся, но его глаза оставались такими далекими. Он был в черном костюме и светло-голубой рубашке, перевозданной, как и в тот день, когда она впервые встретила его. Её глаза метнулись к его левой руке, и она заметила, как он спрятал свой обрубок в кармане брюк. Он прокашлянулся, привлекая внимание, она подняла на него взгляд и почувствовала на своих щеках румянец, который немного обжигал.

— Добрый день, мисс Свон, — он вежливо кивнул ей, его голос был формальным и немного отстранённым.

Она попыталась улыбнуться, ведя его в студию.

— Просто Эмма, — сказала она, наблюдая, как он сделал пару нерешительных шагов в её художественном пространстве, он осмотрелся и повернулся к ней.

— Думаю, я предпочел бы всё-таки называть Вас мисс Свон, если Вы не против.

— Мистер.. Джонс, — начала она и нерешительно шагнула к нему, — Киллиан, пожалуйста, если ты позволишь мне.., — он наклонил голову, прищурившись. Она сделала глубокий вдох, набираясь мужества. — Я должна извиниться за своё поведение. Я.. я сожалею о том, что сказала.

— Ты сожалеешь о том, что высказалась по поводу нехватки моих собственных картин, потому что у меня нет одной руки? — он пытался звучать холодно и отстранённо, но она видела, как он сжал челюсть, наклонив голову в другую сторону, избегая её

взгляда.

— Я не знала.. Не знала.., — начала она, но он вновь прервал её.

— Если бы у меня было две руки, ты бы так же обо мне думала, не так ли?

— Я не знаю, — ответила она искренне. — Возможно, да.

Он вздохнул, почесав затылок, что-то обдумывая. Он посмотрел на нее, и она заметила в его глазах печаль.

— Я так и думал. Если ты не возражаешь, я бы не хотел это обсуждать, для меня это довольно личная и чувствительная тема.

Она кивнула, немного отойдя от него.

— Могу я предложить тебе что-нибудь выпить? — вежливо спросила она.

— Я в порядке, спасибо, — ответил он, оглядывая студию. Она стояла и теребила подол рубашки, когда он расхаживал по студии и осматривал её работы. В её студии было куча людей: агенты, критики, родственники, друзья, — но она никогда себя так не чувствовала, как сейчас. Она стоит будто голая перед ним, когда он осматривал её работы и о чём-то думал. Она вздохнула, отводя от него взгляд. Ей все равно, что он думает о ее работе. Это ничего не значит. Его мнение ничего не значит. *Но почему-то она так волновалась.*

Он ходил по студии, молча размышляя над чем-то, но никогда не приближаясь к работам. Печатные репродукции, которые висели в его кабинете, совсем не были похожи на её работы. Детали в её пейзажах были поразительны: были виды на море, состоящие в основном из легких линий, которые текли в унисон, пространство и открытие между ними давали ощущение покоя; городские пейзажи были богаты деталями, захватывая тяжесть и переполненность чувств городской жизни, каждый элемент создавался с такой страстью, что он мог видеть глубину на этих чернилах; автопортретов не было, и, учитывая её явную нелюбовь к классике, он задавался вопросом об их отсутствии. Он знал, что ему понадобится время, чтобы изучить картины более подробно. Некоторое время он стоял, застыв, но когда он достиг дальнего конца, две репродукции привлекли его внимание. Он медленно подошёл и коснулся их. Он обернулся и посмотрел на нее.

— Это копия? Холст слишком новый, чтобы быть оригиналом.

Она подошла к нему и указала на одну из репродукций.

— Эта копия у меня уже на протяжении десяти лет, — с гордостью сказала она, улыбнувшись. — Эта первая копия, которую я восстановила. Я купила её с рук, и мы с Дэвидом потратили много времени на восстановление, — она посмотрела на него. — Она не так хороша, но зато это моя первая восстановленная копия, — она повернулась к нему, касаясь картины рядом с его рукой, — но я бы хотела получить оригинал картины 19 века, но не могу себе этого позволить.

Его рука чуть было не коснулась её руки, из-за чего он медленно опустил руку.

— Большинство из них висят в музеях, чтобы ими восхищались, — предложил он.

— А если быть точнее, чтобы они пылились и не использовались для своей первоначальной цели, — мягко возразила и она с ноткой печали в голосе.

— Для какой? — прошептал он, медленно отходя от нее.

Она повернулась к нему лицом.

— *Вдохновлять.*

Он посмотрел на нее, любуясь её страстью и огнем в глазах. Он много размышлял, прежде чем прийти сюда. И вот он увидел её снова. Она не извинилась, точнее, сделала это не искренне. Она извинилась из-за ситуации с рукой, но он знал, что она придерживается своих убеждений. Он всегда ненавидел идею работы с современными художниками. *Но она была другой.* Она хотела этого, наверное, больше всего, но она не хотела идти на компромисс. Он мог бы уважать это, он мог бы с этим справиться. Он знал, что это, вероятно, будет для обоих адом. Но если бы они смогли преодолеть это, если бы смогли найти компромисс, то конечный результат может быть блестящим, умопомрачительным. Такое бывает только раз в жизни. Он глубоко вздохнул, отвёл взгляд и почесал затылок.

— Послушай, думаю, что мы начали не с той ноги, — сказал он с улыбкой на лице. — Обычно я не курирую современное искусство, это не моя область интересов. И никто меня не заставит это сделать, — он пожал плечами. — И я пытался подумать о том, как представить что-то, что приведет твоё имя к успеху, не привязывая тебя к какому-то определенному стилю, — она хотела что-то сказать, но он легко коснулся её руки, останавливая. — Если ты хочешь чего-то другого, я готов попробовать, — он посмотрел ей в глаза, пытаясь передать то, что хочет сказать. — Но для этого нужно много работать, много проводить времени вместе в студии. Также я буду задавать вопросы, чтобы понять смысл твоих картин, — он вздохнул, ухмыляясь, и вскинул бровями. — Я предложу тебе много идей, которые тебе не понравятся, но так я работаю, учусь на своих ошибках. Ты разочаруешься во мне, я разочаруюсь в тебе. И так будет постоянно, — она закатила глаза и улыбнулась ему. Он прокашлянулся и продолжил. — Если ты готова к этому, то, думаю, мы сможем добиться чего-то великолепного. *Вдохновляющего.*

Его голос был полон страсти, он повернулся и вновь посмотрел на её работы.

— Где-то здесь то, что нам нужно. Мне просто нужно его найти, — он яростно прошептал.

Он повернул к ней голову и протянул руку.

— Так, что скажешь, любимая? Сделаем шаг навстречу друг другу?

Она, не оставив пространства между ними, подошла и взялась за его руку, чувствуя

мозоли на его пальцах.

— Давай сделаем это, — прошептала она, ее зелёные глаза смотрели на него. — Могу я задать тебе вопрос? — нерешительно сказала она, на что он медленно отшатнулся, отпустил ее руку и сделал шаг назад.

— Если это касается моей руки, я бы предпочел отказаться от вопроса, — коротко сказал он.

Она подняла руку, успокаивая его.

— Нет, я.. что ты думаешь о моих картинах?

— спросила она, наклоняя голову.

Он увидел её любопытство. Она действительно заинтересовалась его мнением. Он задумался: он мог легко выйти из положения и похвалить её, но Эмма Свон похоже, не хотела поверхностной оценки своих работ или каких-либо приукрашиваний. У нее был огонь в глазах, и её беспокойный взгляд говорил ему, что ей слишком много ввали. Она была похожа на человека, который предпочитал жестокую правду, а не подслащенную полуправду. Она была жесткой, она могла принять правду. Это могло нанести урон её самолюбию, но это поможет ей исправиться, а не разрушит её. *Это поможет ей измениться.*

Он осмотрел ее студию и взглянул на неё.

— Ты знаешь своё ремесло, если можно так выразиться, — он указал и на копию картины. — Ты не пошла по лёгкому пути и не восстановила копию цифровой гравюрой. Ты уделила время изучению классической гравюры. А это требует терпения, практики и приверженности, — он слегка улыбнулся, — и даже упрямства, чтобы использовать технику, которая больше всего считается устаревшей, иссушенной, бесполезной, и попусту пустой тратой времени, — в его глазах был намёк на восхищение. — Но ты всё ещё видишь это, как что-то волшебное, полное надежды и возможностей. Всё это ты показываешь в своих работах. Ты определенно хороша, — он сделал паузу и отвёл взгляд, глубоко вздохнув. — Но многие художники хороши. *Лишь немногие великолепны,* — с улыбкой он посмотрел на неё. — У тебя есть потенциал, просто ты его ещё не раскрыла, — он вздохнул, — но обязательно раскроешь, Свон.

Она стояла, глядя на него, слегка разомкнув губы, и улыбнулась ему. Он смущенно улыбнулся, почти стыдясь своих слов.

— Хорошо, я покидаю тебя. Спасибо за то, что нашла время показать мне студию, — сказал он, направляясь к двери.

— Спасибо за честную оценку моей работы, — сказала она.

Он повернулся и мягко улыбнулся ей, открывая дверь.

— Спокойной ночи, Эмма.

Выйдя из её студии глубокой ночью, долго гулял по городу, его призрачная боль была вечным спутником, образы в голове возвращали болезненные воспоминания о времени и месте, которого больше нет и никогда больше не будет. А затем её картины заполнили его разум, он пытался найти в них скрытый смысл, который определенно там был. Он должен был научиться читать её, читать её искусство как открытую книгу. *Только так он мог рассказать её историю миру.*

Композиции

*Мы все говорим,
Что не хотим быть одиноки,
Носим одно и то же
Из-за сходных чувств
Сухо целуем,
Желая доброй ночи.
Грань столетий...
Ничего особенного.*

Blur – End of a Centure

Киллиан был прав. Это было непросто. По крайней мере, сначала. Они продолжали вежливо бегать друг вокруг друга, чтобы попытаться сделать всё, чтобы у них хоть что-то получилось; они были закрыты друг от друга, не разговаривая ни о чем другом кроме картин. Расстраивало лишь то, что, несмотря на то, что они проводили много часов вместе, придумывая идеи, у них ничего не получилось. Большую часть времени он проводил у себя в кабинете, расхаживая из угла в угол, пытаясь придумать хоть что-то, что могло бы привести их в правильное направление. Но снова и снова он терпел неудачу. *Снова и снова*. Тинк который раз уже видела, как он истощённый ночью выходил из своего кабинета, проклиная духоту.

В один из дней Эмма стояла у стола рядом с Киллианом и перебирала иллюстрации в кабинете, а он собирал композицию из этих иллюстраций. Она посмотрела на картины, потянув руку к одной из них. Хоть он и не видел её выражения лица, он знал, что она вежливо намекает ему, что композиция ей не нравится.

— Можешь забирать эту картину, милая, она жуткая, — сказал он. Она посмотрела на него, улыбнувшись.

— Она не жуткая, она.. скучная, — сказала она, и он усмехнулся, проведя рукой по волосам.

— Клянусь, я довольно хорош в составлении композиций, милая. Но проще составлять композиции с искусством 19-го века, — начал подшучивать он, поднимая настроение.

— Почему ты так думаешь? — спросила она.

— Ну, для начала потому, что все художники мертвы. Поэтому всё получается намного проще. И быстрее, — сказал он.

— Никто не огрызается и не говорит, что композиция отстой? — пошутила она, взяв одну из картин, осмотрела её.

— Ну, до этого меня никто не отвлекал, а сейчас.., — прошептал он хрипловатым тоном, подняв бровь.

Сначала она с недоумением смотрела на него, а затем закатила глаза.

— Серьёзно? И это твоё оправдание?

— Милая, тебе когда-нибудь говорили, что ты чертовски красивая? — озадаченно спросил он. Обернувшись, он облокотился на стол и вновь повернулся к ней.

Она слегка покраснела, розовый оттенок мягко лёг на её щёки, и его сердце тут же ёкнуло. А когда она посмотрела на него, он чуть не потерял голову, утопая в её зеленых глазах, которые с любопытством смотрели на него. Их момент прервала открывающаяся дверь, и Киллиан обернулся, чуть не врезавшись в Тинк, которая вбежала в кабинет с букетом ромашек в руке и разгневанным выражением лица.

— Серьёзно, Киллиан? — выплюнула на, сжимая цветы в руке.

— Тинк, я могу объяснить..., — начал он, но она прервала его, бросив ему в лицо цветы. Обернувшись, она увидела Эмму и улыбнулась ей.

— Привет, я Тинк. Главный реставратор. Приятно познакомиться.

— Эмма Свон, — сказала Эмма, с любопытством переводя взгляд от Тинк к Киллиану.

Тинк еще раз взглянула на Киллиана, указав на него пальцем.

— Держись от меня подальше! — закричала она и выскочила из кабинета, громко хлопнув дверью.

Киллиан собрал цветы, бросив их в мусорную корзину.

— Извини за это, — сказал он.

— Что ж, это объясняет, почему ты согласился прийти работать сюда только с главным реставратором, — сказала Эмма. Он повернулся к ней, наклонив голову.

— Ты думаешь, что мы с ней встречаемся? — спросил он, указывая на дверь с небольшой усмешкой.

— Она бросила в тебя цветы. Всё предельно ясно, — Эмма пожала плечами.

— Но это всего лишь одна часть истории, — сказал Киллиан, и в его голове появилась идея, когда он посмотрел на иллюстрации на столе. — Это похоже на выставку, — сказал он, схватив одну из картин, и направился к дивану, положил иллюстрацию туда.

Он указал на картину — это было изображение подростка, который окружен безликими тенями людей.

— У тебя есть одна картина, а ты думаешь, что знаешь всю историю. Она бросила в него

цветы, следовательно они встречаются, — он подошел к своему шкафу, что-то ища там. Казалось, он нашел то, что хотел, потому что он печально улыбнулся, взял иллюстрацию и направился обратно, положив её на другую сторону дивана. Там был изображен младенец на ступеньках дома. — Но что, если он купил цветы от имени своего брата, с которым Тинк встречалась почти 10 лет? — он вздохнул, прежде чем вернуться к столу, и взял последнюю иллюстрацию: на ней была маленькая девочка, сидящая на скамейке. Положив на середину дивана, он снова заговорил. — Но она расторгла помолвку, потому что он должен был приехать сюда с ней, но его миссия растянулась еще на два года, он всё еще вдали от неё, — он обернулся и посмотрел на неё. — *Брошенный младенец, одинокая маленькая девочка, обеспокоенный подросток. Отдельно — это лишь моменты. Вместе — история жизни*

Но она не смотрела на него, её взгляд был прикован к иллюстрациям на диване, они настолько произвели на неё впечатление, что она не заметила, как слеза скатилась по её щеке. Киллиан быстро подошел к ней, ласково провел по щеке, стирая слезу.

— Прости, — тихо прошептал он. — Хочешь поделиться этим?

Она сделала глубокий вдох и сделала шаг назад, почувствовав близость с ним, которая её напугала.

— Это личное.

Он грустно улыбнулся ей.

— Это и есть искусство. Хорошее искусство исходит от сердца. Это то, что ты отчаянно хочешь показать и рассказывать миру. Даже если это не то, чем ты хотела бы поделиться, — вздохнул он.

Она посмотрела ему в глаза, и он увидел страх в них. Она прикусила нижнюю губу.

— Мне нужно идти, — сказала она, схватив сумку, и он кивнул, отходя от неё.

Она обернулась и посмотрела на композицию картин, которую составил Киллиан, подняв взгляд на него.

— Запомни композицию, которую составил. Мне нравится, — вздохнула она. — Увидимся в моей студии?

— Да, — прошептал он, наблюдая, как она уходит.

Несколько дней спустя Эмма сидела, качаясь на стуле, отрываясь от рисунков, над которыми работала в течение последнего часа, чувствуя себя разочарованной от внезапной нехватки вдохновения. Или, возможно, она просто не могла сконцентрироваться, потому что она постоянно смотрела на Киллиана, который в это

время лежал на полу. Он был одет в выцветшие джинсы, черные кроссовки и клетчатую рубашку; его волосы были растрепаны, а в уши вставлены наушники. Он держал карандаш между зубами, а рукой он туда-сюда передвигал репродукции по полу. Наконец-то он собрал композицию для выставки воедино. Эта композиция стала тем самым маяком, от которого он стал смотреть на её работы иначе. Внезапно он начал сочетать разные городские пейзажи с некоторыми из портретов, умея улавливать разные чувства в работах: страх, одиночество, разочарование, отчаяние, потерянная надежда.

Эмма наклонила голову, смотря на него, и начала медленно двигать головой в такт музыке, которую он слушал. Собрав картины, он, казалось, заметил её взгляд и обернулся, убрав наушники, и посмотрел на неё. Солнечный свет, который падал на его лицо, придавал его глазам еще больше голубизны.

— Что? — спросил он заинтригованно.

Она закусила нижнюю губу, созерцая его и ее ответ.

— Я не так представляла работающего куратора, — призналась она, вздохнув.

Он усмехнулся, почесав за ухом карандашом.

— Ну, я немного неординарный. Как там твой набросок?

Эмма вздохнула, надув губы.

— Несуществующий набросок. Не могу найти вдохновения, когда мы работаем вместе.

— Или, может быть, я так же воздействую на тебя, как и ты на меня, и отвлекаю? — начал поддразнивать он, на что она закатила глаза. Он медленно сел рядом с ней. — Может хочешь поговорить?

Она пожала плечами.

— Не уверена, что это поможет. Я просто чувствую себя в клетке, если честно, — она села удобнее. — Может поговорим о чем-то другом? Ты куратор, какой твой любимый музей?

— Орсе, в Париже. Большинство людей предпочитают Лувр, и это замечательно, но Орсе хоть и недостаточно старый музей, меня в нем восхищает естественный солнечный свет, а не свет ламп.

— И искусство 19-го века.

Он улыбнулся.

— Да. Что насчет тебя? — он наклонил голову и с нетерпением ждал ответа.

— Дом-музей Рембрандта, в Амстердаме, — ответила она мгновенно.

Он поднял брови и удивленно посмотрел на неё.

— В этом есть смысл. Лучшие картины Рембрандта можно найти в Рейкс, — начал он, смотря на неё, — но большая коллекция рисунков и гравюр находится в доме Рембрандта.

— И его мастерская там же, — просияла она.

— Он был коллекционером, ты знала это? Именно это и привело его к банкротству, — сказал он и перевел взгляд на иллюстрации, держа в руке музыкальный плеером.

— Что ты слушал? — с любопытством спросила она.

— «Die Toten Hosen», — ответил он, не глядя на неё, так и не заметив её шокированное выражение лица.

— Серьёзно?

— Тебя это удивляет? — он посмотрел на неё.

Она кивнула.

— Ты не похож на того, кто слушает песни этой группы.

Он покачал головой и саркастически усмехнулся.

— А ты думала, что я всё ещё маленький мальчик, готовящийся к поступлению в школу?

— А это не так? — спросила она.

— Нет, Свон, — сказал он, вздыхая и протягивая руку. — Иди сюда, любимая. Я хочу спросить тебя об одном из твоих произведений.

Она подошла к нему и села рядом. Он наклонился, чтобы указать на одну из её работ.

— Расскажи мне об этой работе, — тихо спросил он.

Эмма посмотрела на гравюру двух морщинистых рук, единственная деталь — маленькое драгоценное кольцо на пальце. Эмма медленно провела рукой по холсту и тихо заговорила.

— Это руки Рут, — сказала она.

— Кто такая Рут? — спросил он.

— Мать Дэвида, — мягко сказала Эмма. — Прежде, чем я встретила их, в моей жизни

ничего хорошего не было, — она показала на картины, которые он отобрал в одну стопку, они отражали отчаяние и одиночество. — Длинный список приемных домов, воровские дни, пустые обещания парня, который оставил меня, уговорив взять на себя ответственность за его преступление, — на секунду она замолкла, посмотрела на Киллиана и снова перевела взгляд на холсты. — Я встретила Дэвида, когда я только вышла из тюрьмы, и он привёл меня к своей матери. Она взяла меня жить к себе, отдав мне старую спальню Дейва, и заставила закончить школу. Когда я упомянула, что хочу стать художником, она поощряла меня и поддерживала. Она убрала свою машину из гаража, чтобы я могла обустроить свою первую мастерскую. Она постоянно твердила мне, что я не должна сдаваться.

— Похоже, она невероятная женщина, — мягким голосом сказал Киллиан.

— Она ею и была, — сказала Эмма, по её щеке скатилась слеза. — Её руки были грубыми от тяжелой работы, но они никогда не дрожали и всегда были теплыми. До самого последнего дня, — слёзы начали катиться по щекам. — Она умерла от сердечной недостаточности пару лет назад.

Киллиан еще раз взглянул на холст, увидев эту историю глазами Эммы. Это было прекрасно, потрясающе красиво. И душераздирающе.

Он отложил холст в сторону.

— Его не будет на выставке, — она посмотрела на него, он лишь улыбнулся. — Это слишком личное, Эмма. Некоторые вещи должны оставаться личными, — прошептал он.

Он смотрел ей в глаза. И вот она предстала перед ним в истинном виде: она показала ему *свои эмоции, свои стены, свою жизнь*. Для неё же это был персональный ад, ведь он узнал об её страданиях и боли.

Он вздохнул и отвел взгляд, начав массировать обрубок руки. Он почувствовал её взгляд на своей левой руке, но он не посмотрел на неё.

— Я познакомился с Милой в художественной школе, когда мне было восемнадцать лет. Она была в классе исполнительных искусств. Ты бы видела её на сцене, она была прекрасна. Все взгляды были привлечены к ней. Мы влюбились друг в друга, мы делили друг с другом каждую минуту своей жизни в течение двух лет, — он глубоко вздохнул, снова вернувшись к рассказу. — Однажды ночью мы возвращались домой после одного из её выступлений. Я помню, что стоял с ней там, на тротуаре, и держал её за руку, думая о том, что я хочу провести остаток своей жизни с ней. В следующую минуту раздался визг, а в глазах потемнело, — Эмма села к нему ближе, он также смотрел на холсты. — Я проснулся в больнице, узнав, что её нет. Она умерла сразу же, как только нас сбила машина, — он почувствовал, как Эмма положила руку ему на бедро, — автомобиль раздавил мою левую руку, — он наклонил голову, положил свою руку на руку Эммы и сплёл пальцы. — После этого я сосредоточился на истории искусства и ни на чём больше. Тинк была единственным человеком, с которым я общался из своей старой группы. Лиам вернулся из своей миссии, чтобы поддержать меня. За это время он и Тинк стали больше, чем друзья. В начале я думал, что это было просто ребячество, но в какой-

то момент они действительно влюбились друг в друга. С тех пор они вместе. По крайней мере, были несколько месяцев назад.

— А ты? — нерешительно спросила Эмма. — Ты когда-нибудь..?

Он посмотрел на неё, и она увидела в его глазах вспышки ярости.

— Нет. У меня было несколько женщин, но они ничего не значили. Точнее, значили, но не так, как значила Мила, — закончил он, вздохнув.

— Мне жаль, — сказала она, и он кивнул, сделав глубокий вздох и отпустив её руку.

— Я должен идти.., — прошептал он, и она согласилась, помогая ему собрать свои холсты в сумку. Он печально улыбнулся ей. — Несколько дней мне нужно побыть в своём кабинете, нужно оформить бумаги. К концу недели увидимся?

— Да, я посмотрю, смогу ли я заставить себя нарисовать еще несколько картин для выставки.

Он с тоской в глазах посмотрел на неё.

— До скорой встречи, Эмма,— прошептал он и закрыл за собой дверь.

Эскизы

*Это вправду, вправду, вправду могло произойти.
Да, это вправду, вправду, вправду могло произойти.
Когда кажется, что дни пролетают мимо, просто отпусти их.*

Blur — The Universal

В тот же день Эмма вышла прогуляться, пытаясь найти вдохновение среди уличного искусства и граффити. Были некоторые новые рисунки, с теми же неразличимыми подписями, что и раньше. Она стояла перед одним из рисунков, внимательно рассматривая ровные линии распылительной краски, мысленно следя за действиям автора рисунка. Это был замысловатый дизайн, но она будто видела, что это было сделано одним плавным движением. Это захватывало дух. *Вдохновляло.* Она попыталась воссоздать движение своей рукой, и в этом было что-то такое, что действительно вдохновило её. Она задумалась: какую жидкость ей нужно взять для работы на медных пластинках, чтобы получить такой же эффект? И потом её осенило: что, если она сделает гравировку в виде граффити? Она могла бы воссоздать плавность линий на медных пластинках, а потом просто раскрасить их, создав работу на одном холсте; затем она могла бы также распылить краску на медной пластинке поверх гравировки. Эта работа была бы единственная в своём роде, она была бы уникальна, возможно, не эфимерна, но никто не смог бы скопировать идею. Она быстро сделала несколько снимков граффити на телефон и начала осмысливать список того, что ей понадобится.

Она работала целыми днями. Холсты были больше размером нежели те, с которыми она привыкла работать. Её рука плавно двигалась, и она закрыла глаза, стараясь забыться и довериться своим инстинктам. Когда она дала холсту высохнуть, она посмотрела на него и удовлетворенно улыбнулась. *Это была гравировка граффити.* И ей это понравилось. Распыляющая краска на холсте казалась грязной, но выглядела невероятно забавной. Эмма чувствовала соблазн продолжать рисовать, заполняя половину стен в своей студии граффити, но она была измучена и эмоционально истощена, поэтому она просто рухнула на кровать, потому что слишком устала, чтобы делать что-либо ещё.

Когда на следующий день она открыла дверь, чтобы Киллиан зашёл, она увидела, что он разговаривает по телефону. Он кивнул ей в знак приветствия и продолжил разговор.

— Лиам, я пробовал. Но она отказывается говорить со мной об этом, — сказал Киллиан, входя в мастерскую Эммы. Несколько секунд он молчал, слушая, что ему говорит брат, а затем снова заговорил. — Послушай, я знаю, что у тебя не было другого выбора. Хватит, я не тот, кому тебе нужно что-то доказывать, брат. Она скучает по тебе. Она боится тебя. А я пытаюсь работать, лавируя между вами двумя, но больше я так не могу. Привези сюда свою задницу и поговори со своей невестой сам! — сердито закончил он, сделав глубокий вдох. — Лиам, мне нужно идти. Я позже перезвоню, — он сбросил и смущенно взглянул на Эмму. — Извини, любимая. Эти двое сведут меня в могилу.

Она улыбнулась, махнув рукой. Киллиан заметил ее удовлетворенную ухмылку и блеск в глазах — *она вся сияла*. Он наклонил голову, смотря на неё.

— Я так понимаю, ты наконец нашла вдохновение, которого не хватало?

Она нервно закусила губу и кивнула, схватив его за руку.

— Пошли! — сказала она, направляя его к своим новым эскизам работ и медным пластинам, тщательно выровненным на стене. Она указала на них с улыбкой на лице. — Что думаешь?

Всего в нескольких шагах он увидел это. *Граффити*. Это были граффити, но они были выгравированы. Линии легли на холст легко, цвета, заполняющие пространство на холсте, были знакомы, но одновременно были новыми. Он наклонился, почти касаясь холста. Его рука последовала за движением линий на холсте, прежде чем он перевел взгляд на медные пластинки. Столкновение разнообразных цветов на линиях медных пластинок было поразительным. Он несколько минут стоял и изучал эти пластинки. Они были захватывающими.

Он поднял взгляд и удивленно посмотрел на неё.

— Как ты..? — спросил он слишком ошеломленный, указывая пальцем на холсты.

— Это уличное искусство и стало моим источником вдохновения. Вот, посмотри! — она жестом подозвала его к себе, где показала фотографии граффити с улиц города. Он пальцами изучал контуры на холстах, пока она продолжала говорить.

— Смотри на линии — это почти безупречно, как будто простые движения вперед-назад, — она, как и Киллиан, водила по холсту пальцами, прослеживая линии. — И именно это заставило меня задуматься о линиях и движении на холстах, а также о том, чтобы немного взять этого мимолетного искусства со стен улиц, — она обернулась и подошла к другим холстам. — Как будто что-то внутри меня освободилось, и я просто начала творить. Что ты думаешь насчёт всего этого? — она наклонила голову, взглянув на него.

Он, прокашлянувшись, покачал головой, приходя в себя.

— Свон, они поразительны. Это... это фантастика.

— Ты правда так думаешь? — недоверчиво спросила она.

— Эмма.., — он посмотрел на неё, в его глазах был страх и одновременно страсть; его взгляд был настолько проникновенным, что у нее перехватило дыхание. — Это всё.. это и есть та недостающая деталь, которая поможет нам сделать то, что мы хотели. Вот где история заканчивается, вот где заканчиваются годы гравюры и красок, — его голос был напряженным, когда он приблизился к ней и смотрел на неё, не отрываясь. — И здесь начинается новая история, в которой ты нашла свой стиль, нашла себя, как художника. И это уникально, захватывающе, красиво, — он погладил её по щеке, наклонился ближе,

касаясь губами её губ, — *как и ты*, — прошептал он, а затем целовал её: мягко, но решительно он накрыл её губы своими. Она начала задыхаться от теплых ощущений его губ и начала поддаваться в такт поцелую. Его рука мягко гладила её щеку, переместившись на волосы, он начал зарываться в них правой рукой; левая рука покоилась на её бедре, медленно притягивая её к себе. Она целовала его, лаская ладонью шею, а он наклонил голову, чтобы углубить поцелуй, полностью потеряв голову от него.

Немного отстранившись губами, он закрыл глаза и сделал глубокий вдох, прижавшись лбом к её лбу. Когда он открыл глаза, в её взгляде он увидел страх и замешательство. Она оказалась в неловком положении, и ему было ясно, что она не знает, что ей делать.

И это разбило ему сердце.

Он резко отстранился, отвел взгляд, быстро сказав:

— Извини, это было непрофессионально. Я... я должен идти.

— Киллиан, подожди, — сказала она, подойдя к нему. — Это.. это...

— Не нужно ничего говорить, Свон. Это была ошибка, — он рискнул поднять взгляд и посмотреть на неё, и увидел в её глазах боль от его отказа. — Это не повторится, не волнуйся, любимая. Но, думаю, будет лучше, если я уйду. Я... я позвоню тебе, — сказал он и быстро вышел из студии, направляясь к себе.

Граффити

*Другие люди не хотели бы вас слушать
Если вы сказали, что это лучшие дни
Из наших жизней.*

*Другие люди поворачиваются и смеются над тобой
Если вы сказали, что это лучшие дни
Из наших жизней.*

*Другие люди вступают в холодный пот
Если вы сказали, что это лучшие дни
Их жизни.*

*И другие люди поворачиваются и смеются над тобой
Если вы сказали, что это лучшие дни
Из наших жизней
Из наших жизней..*

Blur Lyrics — Best Days

Той ночью Эмма не могла уснуть. Она лежала на кровати, то и дело переворачиваясь с одного бока на другой, но каждый раз, когда она закрывала глаза, она видела лицо Киллиана. Его глаза были полны страсти и восхищения, когда он наклонился и поцеловал её. Она будто сейчас чувствовала его губы на своих, его левую руку на своём бедре, его пальцы, зарывающиеся в её волосах, его рваное дыхание, когда он отстранился. *И боль в его голубых глазах, когда он увидел её испуг.*

Она вздохнула, вставая с постели, и надела джинсы, рубашку, черный свитер и сапоги. Она никогда не могла уснуть пока не освободит свою голову от мыслей, которые её тревожат. Она, схватив свою кожаную куртку, направилась вглубь ночного города.

Она не собиралась его целовать. По крайней мере, она не понимала, что хочет поцеловать его до того момента, пока его рука не начала гладить её щеку, а его губы не прижались к её. В тот момент она полностью освободила себя, дала волю эмоциям. Его поцелуй.. этот поцелуй не был просто физическим удовлетворением. В тот момент что-то вспыхнуло внутри неё, разбудило то чувство, которое она не выпускала уже более десяти лет. *И это испугало её.* После того, как её предал мужчина, который, как утверждал, любит её, она решила больше не поддаваться эмоциям, а сосредоточить внимание на искусстве, живя со своими стенами. Искусство стало её единственным спутником жизни.

Она толком и не поняла, когда Киллиан так стремительно ворвался в её жизнь, как стремительно он начал быть частью её. Его слова, действия, причуды стали частью её пространства, её мастерской, её жизни. Его взгляд и мнение о её работе вдохнули в неё новый смысл. Он узнавал о ней из фрагментов её картин, то же делала и она. Ей было комфортно находиться с ним рядом, касаться его рук. Они почти не разговаривали, но

тишина говорила громче, чем слова.

Но достаточно ли этого?

Он всё еще придерживался традиционных концепций, касательно искусства. Он так много знал об искусстве, но все эти знания были из книг, из теории. В нем был огонь, в нём была страсть, о которых она знала. Она знала и о его стенах, как и он знал о её. Но стены рухнули, когда в её жизни появилось искусство, а Киллиан.. у него было самообладание, каждое его действие было заранее спланировано, он был профессионалом, который никогда не терял контроль над собой.

Пока он не поцеловал её.

Она глубоко вздохнула, продолжая идти, позволяя себе вникать в свои мысли. Внезапно что-то привлекло ее внимание на одном из переулков. Она увидела тёмную фигуру, которая рисовала граффити. Несмотря на то, что было темно, она смогла разглядеть знакомые движения. Ей даже не нужно было смотреть на его подпись под граффити, она знала, что это был тот самый человек, работы которого стали её вдохновением. Это был, вероятно, парень, одетый в выцветшие джинсы, тяжелые сапоги, черный кожаный пиджак и капюшон.

Она быстро, но уверенно подошла к нему; её сердце начало стучать быстрее от мыслей о том, что она, наконец, познакомится с художником, чьи работы вдохновили её найти свой собственный стиль в искусстве. Услышав шаги, он опустил руку с балончиком краски и медленно обернулся.

Она резко остановилась, встала как вкопанная и не смогла пошевелиться: она увидела тёмные взъерошенные волосы и голубые глаза, которые она не могла не узнать.

— Киллиан?

Штрихи

*Так дай мне кофе и телевидение, будь историей.
Я так много видела, я могу ослепнуть.
Мой мозг почти мёртв.
Общительность — слишком сложно для меня.
Забери меня из этого большого плохого мира,
И согласишься выйти за меня замуж,
Чтобы мы могли всё начать заново.*

Blur — Coffee and TV

— Киллиан?

— Эмма? — спросил он смущенно. — Что ты здесь делаешь?

— Это что *ты* здесь делаешь? Это был.., — спросила она, заикаясь, — ты? Всё это время? — он слышал в её голосе нотки печали.

Он только хотел заговорить, как услышал звук полицейской сирены. Он быстро потянулся за сумкой, лежащей на асфальте, положил туда балончик и перекинул сумку через плечо.

— Эмма, нам нужно уходить, — сказал он, когда сирена стала громче. — Сейчас же, Свон! — твердо сказал он, схватил её за руку и поспешно увел от окрашенной стены.

Они шли молча, Эмма пыталась понять, что происходит. Через несколько кварталов Киллиан остановился около двери здания, отпустив ее руку. Найдя связку ключей в заднем кармане, он открыл дверь и жестом пригласил её войти. Поднявшись по лестнице на один этаж, они добрались до его квартиры. Он открыл дверь и прошел.

— Проходи, — сказал он, сняв с плеча сумку и положил её на диван. Она медленно шагнула в прихожую, осматривая всё. Дальше находилась небольшая кухня, а за ней гостиная с минимальным количеством мебели: диваном, журнальным столиком и книжным шкафом на всю стену, где было множество книг. Эмма пыталась перевести дыхание, переводя на Киллиана свой взгляд. На улице она видела, что он был в кожаной куртке, джинсах и сапогах, сейчас же, когда он снял куртку, она увидела его черную рубашку и толстовку.

— Киллиан.., — начала она сдержанно.

Он вздохнул, повернувшись к ней, и провел по волосам.

— Предполагаю, что тебе нужны объяснения, — мягко сказал он.

— Думаю, я умею на это право, — её тон был слегка враждебным. — Ты всё время лгал мне?

Он вздохнул, почувствовав боль в её голосе.

— Я не лгал, Свон, — он заметил, как она вскинула бровью. — Я бросил художественную школу, — начал он, его голос слегка дрожал. — Когда я проснулся в больнице, я понял, что мне придется адаптироваться к жизни с одной рукой. Ты можешь мне сочувствовать, но ты представить себе не можешь, как это тяжело, — он посмотрел на нее, боль в его глазах передалась и ей. Она, сдерживая слёзы, попыталась представить эту боль. Некоторое время он колебался, продолжать или нет, но всё же продолжил. — Мне нужно было найти разные способы, чтобы делать те элементарные вещи, которые делал раньше: переодевания утром, приготовление пищи, уборка, да что угодно! В течение многих лет, прежде чем сделать что-то, мне приходилось постоянно напоминать себе, что у меня нет левой руки. Прошло десять лет, а мне до сих пор требуется много времени, чтобы одеться, мне нужна помощь буквально во всём, — правой рукой, видимо, по привычке он стал массировать свой обрубок. — И боль, призрачная боль по-прежнему преследует меня по ночам, — он замолчал, не поднимая взгляд. Эмма подошла к нему и мягко погладила его левое предплечье. Он поднял голову, смотря на неё своими голубыми глазами, и продолжил рассказ. — Я ушел из художественной школы, потому что научиться рисовать одной рукой было слишком трудно для меня, — он отвёл взгляд, стыдясь своих слов. — Я просто не мог этого принять, — признал он.

— Киллиан, — тихо прошептала она и взяла его за руку, — прости.

Он посмотрел на неё и сплел их пальцы воедино.

— Для чего не важно, сколько ты имеешь рук? — он смотрел на неё, пальцами глядя её руку. — Для чтения, для заметок в блокноте, для перелистывания страниц. Именно так я перешел к истории искусства, потому что я всё ещё мог оставаться рядом с тем, что мне больше всего нравится.

Он вздохнул, отводя взгляд, она почувствовала, что он хочет сделать что-то, например, почесать за ухом или провести по волосам, но он всё еще держит её за руку. Он всё еще не смотрел на Эмму, его взгляд был устремлен на какую-то картину на стене.

— Переехав в новую квартиру, я увидел старый балончик. Я взял его и нарисовал граффити на стене. Это произошло через несколько лет после той аварии, — его голос будто терялся в собственных воспоминаниях, — и казалось, будто и не было той аварии, даже то, что у меня нет руки, не имело значения.

— Через несколько лет?

Он наклонил голову, мягко улыбаясь ей.

— Своё первое граффити я нарисовал в шестнадцать лет в Лондоне, Свон. И делаю это до сих пор, я даже могу это сделать с закрытыми глазами, — он отпустил руку Эммы, проведя ею по волосам. — Но причина была не в моей руке, — признался он. — После смерти Милы я потерял желание рисовать и заниматься искусством..

— Но ты занимаешься искусством, — твердо заявила Эмма.

— Это граффити, это не искусство. Это вандализм, *анархия*. Это восстание против масс. Я просто накинулся на стену и начал рисовать, сосредотачиваясь на баллончике краски, пока музыка звучит у меня в ушах. И я понимаю — *я в своём мире*, — он посмотрел на неё.
— Это не искусство, милая. *Это побег*.

Она покачала головой.

— Ты ошибаешься. Это искусство, — она потянулась рукой к его щеке, заставив обратить на себя внимание. — Это вдохновляет. Знаешь, сколько раз я проходила по этим переулкам и смотрела на эти работы? Знаешь, сколько раз они вдохновляли меня? — её голос дрогнул, когда она увидела недоверие в его глазах. — В них так много чувств: потеря, боль, ярость, разочарование.., — она погладила его по щеке, и он, наклонившись, прижался щекой к её руке, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Он открыл глаза и снова посмотрел на неё, от чего у неё пересохло в горле. — И движение, Киллиан. Это невероятное движение линии, которое изменило моё представление об искусстве... Как ты можешь говорить, что это не искусство? — изумленно прошептала она. — Ведь это был ты... Всё это время, — тихо сказала она.

— Свон...

— Ты.., — отчаянно прошептала она и поцеловала его. Он застонал и ответил ей на поцелуй, что-то шепча.

— Эмма...

Он ближе притянул её к себе, углубляя поцелуй; она зарылась руками в его волосы, полностью погружаясь в него. Его рука путалась в её волосах, левой рукой он притянул её за бедро к себе, и она застонала, когда они соприкоснулись телами. Он отстранился от её губ и начал покрывать поцелуями её шею. Она расстегнула его пиджак, разорвав поцелуй, в то время он снял с неё кофту и снова поцеловал, прижимая за задницу к себе. Она вздрогнула, лаская его плечи руками. Отстранившись губами, чтобы перевести дыхание, она расстегнула его рубашку и резко сняла, отбросив в сторону. Прижавшись руками к его груди, она вновь поцеловала его. Он застонал, на что она ухмыльнулась, и он тут же прижался к ней своими бедрами, лаская талию рукой — *теперь её очередь стонать*. Он выглядел немного разбитым: его волосы были взлохмачены, глаза стали тёмными от страсти. Она начала расстегивать его пояс и пуговицу джинс, стянув штаны, от чего он зарычал. Она игриво улыбнулась в поцелуе, опустила взгляд на штаны. Увидев татуировку на левой тазовой кости, она отстранилась, чтобы получше её разглядеть. Это была его подпись. Подпись, которую он оставлял под своими работами на стенах улиц. Так же делали некоторые известные художники-граффити на британской андеграундной сцене как раз-таки десять лет назад. Теперь же, когда она внимательно присмотрелась к подписи, она увидела две буквы: *К* и *Д*.

Твою мать.

Он немного напрягся, когда она отстранилась, но проследив за её взглядом, он понял,

что привлекло её внимание. Он понял, что она, наконец, начала собирать фрагменты его жизни. Она недоверчиво покачала головой, и, встретившись с ним взглядом, мягко улыбнулась ему.

— Кто же ты такой? — спросила она, покачав головой.

— Я же говорил, ты меня совсем не знаешь, Свон, — самодовольно улыбнувшись, он прикусил нижнюю губу и притянул Эмму к себе. — Иди сюда, — прошептал он. Она взяла его за руку и позволила себе утонуть в его объятиях. Его глаза всё ещё были наполнены страстью, но говорил он более спокойно. — Ты уверена в этом? — нерешительно спросил он. Она долго смотрела ему в глаза, а потом, наклонившись, поцеловала его.

— Да, — прошептала она ему в губы. И это всё, что ему нужно было услышать, потому что он взял её на руки и понёс в спальню.

Киллиан Джонс был человеком, который знал, что такое красота. Он всю жизнь оценивал красоту в искусстве: от классических линий скульптуры до штрихов импрессионистской живописи. Тем не менее, в ту ночь он не мог вспомнить что-то более красивое, чем она: её золотые кудри контрастировали с белой тканью его простыней; она мягко вздыхала, когда он целовал её скулы; он ласкал своими пальцами её тело, медленно раздевая её; он видел линии её тела, которые изучал своими прикосновениями; её прикосновения, когда она взлохмачивала его волосы; как она изгибалась под ним, как пахла, как дрожала, рухнув на кровать; она слышала его рваное дыхание, когда он рухнул рядом с ней.

Той же ночью, под лунный свет, который бросал тени на черты лица Эммы, он смотрел на неё и чувствовал, что его рука требует карандаша, он ощущал эту потребность.

Потребность в рисовании. Он не ощущал её уже больше десяти лет. Он медленно поднялся с кровати, стараясь не разбудить её, отыскал карандаш и бумагу и пошёл в другую комнату. Сидя там, он начал медленно прорисовывать черты лица Эммы, затем закрыл глаза, вспоминая, и снова рисовал. Взглянув на лист бумаги, он мягко улыбнулся. Возможно, ему потребуется целая вечность, чтобы дорисовать это, но он был готов это сделать. *У него есть на это время.*

Он закрыл альбом, положил его на свою прикроватную тумбочку и присоединился к ней в постели, положив её голову к себе на грудь, и уткнулся носом в её щёку, погружаясь в сон.

Резьба

*Погода портится,
Но она не навредит вам.
Когда никого не останется рядом
Она поможет вам
Отдохнуть в одиночестве..*

Blur — This is a Low

Утром Эмма проснулась от солнечного света и приглушенных звуков кофеварки на кухне. Она быстро встала, нашла свою одежду и отправилась в ванную, после чего пошла на кухню.

Киллиан обернулся и застенчиво улыбнулся ей.

— Доброе утро, — сказал он. — Я приготовил тосты и кофе. Я знаю, что это немного., — замолчал он.

— Всё в порядке, — нервно ответила она, убирая прядь волос за ухо.

Он кивнул и поставил кружки на стол.

— Какие планы на сегодня? — спросила она, пытаясь отогнать ту неловкость, которую она начала ощущать. У неё давно такого не было. Если она и спала с кем-то, то либо сразу уходила, либо делала это посреди ночи. Но вчера, оставаясь на ночь, она спала в объятиях мужчины и не собиралась уходить. И дело не только в этом. Дело в нём. Она будет видеть его ещё долгое время. Этого не избежать, не тогда, когда открытие выставки уже через несколько дней.

Он подошел к ней, нежно улыбаясь, и склонил голову.

— Мне сегодня надо в музей, нужно доделать кое какие дела до начала выставки, — тихо сказал он, кусая нижнюю губу, будто внимательно изучал Эмму. Она повернулась, смотря на гостиную и окна.

— У тебя здесь так естественно светло, — прокомментировала она. — Здесь можно сделать чудесную комнату для рисования. А если ты немного сдвинешь книжные полки, ты, безусловно, сможешь устроить там небольшую мастерскую.

Он выглядел несколько смущенным, прищурился глазами.

— Ты планируешь работать в моей гостиной?

— Нет, я имела в виду тебя, — сказала она.

— Меня? Зачем мне мастерская, милая?

Она с надеждой посмотрела на него.

— Чтобы ты снова занимался искусством, — она указала на комнату. — Сначала это могут быть какие-то небольшие эскизы, нарисованные древесным углём. Ты медленно начнешь возвращаться к искусству.

Когда она обернулась, она увидела его холодный и грустный взгляд. Несколько раз он стиснул челюсть, прежде чем, наконец, начать говорить.

— Свон, я не собираюсь возвращаться к искусству.

— Но я думала, что граффити..., — она подошла к нему, он пристально смотрел на неё, прервав на пол предложения.

— Эмма, я куратор.

Она улыбнулась ему.

— Да, я понимаю. Я знаю, что произошло много всего, но всё изменилось. Я помогу тебе, — сказала она, взяв за руку, — я...

— Мне не нужна твоя помощь! — крикнул он, выдернув свою руку из руки Эммы, отойдя на несколько шагов. Он глубоко вздохнул, сжав переносицу, и снова посмотрел на Эмму. — Эмма, не думаю, что ты понимаешь. Мне нравится то, что я делаю. Мне нравится заниматься классическим искусством и находить новое значение в существующих произведениях искусства. Ты смотришь на картины и будто влюбляешься в них вновь, восхищаешься ими, — его голос слегка дрожал от волнения. — А сейчас понял, что мне понравилось курировать современное искусство. Есть что-то интересное в том, чтобы помогать художникам найти себя, найти их суть и показать миру. Как это случилось с тобой, — закончил он шепотом.

Эмма стояла, пытаясь понять его слова, но она видела лишь испуганного мальчика, который отказывался потерять контроль над собой. И это расстроило её до такой степени, что она вновь подняла свои стены и заперлась в своем собственном мире.

— Курируя, ты не помог мне найти себя, Киллиан, — ухмыльнулась она ему. — Ты сделал это своим искусством. Ты не позволяешь другим увидеть, кто ты на самом деле. Ты напуган! Ты боишься потерять контроль над собой, — печально закончила она.

Он почувствовал жалость в ее голосе, и это вызвало его гнев. Он наклонил голову, смущенно глядя на нее, его голубые глаза смотрели прямо ей в душу.

— Давай начистоту. Прошлой ночью ты переспала с художником-граффити, которым ты восхищалась годами. Но сегодня утром ты проснулся со мной — куратором музея, который бросил художественную школу, — он почти выплёвывал слова. — И ты сожалеешь об этом, не так ли? Ты никогда не согласишься с тем, кто я. Ты не веришь, что есть ценность в кураторстве. Ты терпеть меня не можешь. Мне стало интересно, могу ли

я быть кем-то кроме куратора. Но я люблю то, что я делаю, Свон. Я действительно люблю то, кем я являюсь. Я тот, кем всегда был и буду, — глубоко вздохнул, провел рукой по волосам, отводя глаза. — И мне ясно, что я не тот тип мужчины, который интересуется тобой.

Она, сдерживая слёзы, поджала губы и посмотрела на него. Он так и не поднял свой взгляд.

— Мне нужно идти, — сказала она. Не дождавшись ответа, она пошла к двери.

— Видимо, да. До свидания, Свон, — тихо прошептал он, услышав, как дверь закрылась, а он так и остался стоять посреди кухни.

Древесный уголь

*Всякий раз, когда я с тобой наедине
Ты заставляешь меня чувствовать..*

The Cure — Lovesong.

Эмма села на пол в своей мастерской, глядя на свободное место, где раньше были ее последние произведения. Сегодня утром она отправила их в музей, даже не написав записку Киллиану. *Нечего было говорить.* Скоро всё закончится, выставка будет готова, а во время её проведения она постарается как можно больше избегать его. А после этого ей больше никогда не придется его видеть. Открывающаяся дверь вырвала её из мыслей, в которые она была погружена последние несколько дней. Она обернулась, увидела Мэри Маргарет с пакетом еды и горячим шоколадом.

— Ты обязана мне всё рассказать, — твердо сказала Мэри Маргарет в знак приветствия, опустившись на пол рядом с ней.

Эмма сделала попытку запротестовать, но Мэри Маргарет оборвала её, протянув ей горячий шоколад.

— Даже не пытайся что-то скрыть от меня, Эмма Свон. Я знаю тебя. Я принесла горячий шоколад со взбитыми сливками и корицей и жареный сыр, чтобы ты расслабилась. Но ты всё равно обязана мне всё рассказать.

Эмма вздохнула и взяла стакан горячего шоколада в руки, греясь.

— Это всё Киллиан, — наконец призналась она. Мэри Маргарет вскинула бровями, отхлебнув шоколада, а Эмма недоверчиво покачала головой. — Это было очевидно? — нерешительно спросила она.

— Немного.., — ответила Мэри Маргарет. — Но ты забыла, что у меня есть шестое чувство, касающееся определения истинной любви, — ухмыльнулась она, а Эмма закатила глаза.

— Это была не любовь.

— И что же тогда это было? — спросила Мэри Маргарет.

— *Ошибка*, — сказала Эмма, взяв жареный сыр.

— О, Эмма, — сказала Мэри Маргарет, сжав руку Эммы утешительным жестом. — Мне очень жаль.

— Я просто не могу поверить, что он даже не подумал вернуться к рисованию, — Эмма провела рукой по волосам, пытаясь справиться с чувством печали.

— Эмма, он занимается кураторством в течение многих лет. Понятно, что он любит свою работу, — сказала Мэри Маргарет. — И он хорош в рисовании, не так ли?

— Хорош, — призналась Эмма. *Черт возьми.*

Мэри Маргарет прокашлянулась, прежде чем сказать.

— Представь, каково это для него. Это то же самое, если бы ты не видела кого-то в течение долгого времени, а потом вы увиделись. Он поделился этой болью с тобой, а для тебя как будто это ничего не значит.

— Это.. это не так, — заикаясь, сказала Эмма. — Для меня это многое значит, но я просто не понимаю, почему он так боится даже пытаться.., — вздохнула она. — Он хорош в этом, Мэри Маргарет.

— А что, если он попытается, но не сможет? — спросила Мэри Маргарет. — Захочешь ли ты быть с ним?

— Дело не в этом..

— Посмотри на это со своей стороны: ты пожалела о поцелуе с ним в качестве куратора. Но как только ты узнаешь о том, что он художник-граффити, то ты начинаешь проявлять к нему интерес. Когда ты ночью гуляла и заметила человека, это был не художник-граффити. Не художник-граффити заставил тебя убрать свои стены. Это был Киллиан, это был тот, с кем ты проводишь повседневное время в мастерской.

Эмма вздохнула.

— Я причинила ему боль, верно? Он доверял мне, и я просто.., — она посмотрела на свою подругу, — я не знаю, смогу ли я снова быть с кем-нибудь. Что будет.. если не смогу?

— Ты же знаешь, что этого не будет, — сказала Мэри Маргарет с её вечной надеждой.

— Никогда не говори никогда, — усмехнулась Эмма.

— Эмма, с тех пор, как мы знакомы, ты не пробовала быть с кем-то. Ты никого не подпускаешь к себе, — сказала Мэри Маргарет. — Никого, кроме него. И забавно то, что ты этого даже не осознала. Это просто случилось. Ты не планировала это, ты даже не думала об этом. Разве это тебе ни о чем не говорит?

Взяв в кармане фотографии граффити, на которые она постоянно смотрела последние несколько дней, она осторожно провела по линиям, взглянув на Мэри Маргарет.

— Ты знаешь, что делать, — успокоила её подруга.

— Прекращай, Киллиан, — сказала Тинк, которая пришла к нему в музей за несколько дней до выставки.

Он давно не видел её. Не так давно она отправила свои последние работы с курьером, даже не написав ему записку. И он, как всегда, с головой ушёл в работу, размещая каждое произведение искусства по залу музея.

— Киллиан, посмотри на меня, — умоляла Тинк, и он поднял на неё взгляд. Она улыбнулась ему.

— Ты должен отдохнуть.

— Я в порядке, Тинк. Не понимаю, чего ты хочешь, — он провел рукой по волосам, осматривая картины. — Я всегда так делаю за несколько дней до открытия, ты же знаешь это, — он наклонил голову, очаровательно улыбаясь, пытаюсь обмануть Тинк. — Не о чем беспокоиться, любимая.

Она покачала головой, прежде чем взглянуть на него.

— Кстати, говоря об открытии: мне нужен ещё один билет, — сказала она.

Лицо Киллиана вытянулось.

— Ещё один билет?

— Я буду не одна, — она смущенно просияла, и сердце Киллиана сжалось.

— Тинк, ты не можешь этого сделать, — умолял он. — Я знаю, что сейчас всё плохо, но ты не можешь отказаться от Лиама, не после всего, через что вы прошли.

Она наклонила голову, её зеленые глаза сияли озорством.

— Я не могу пригласить своего жениха на открытие выставки? — Киллиан мягко улыбнулся, когда понял смысл её слов. Она ухмыльнулась ему. — Мне нравится твой брат-идиот, независимо от того, кто он и где он.

Киллиан вздохнул, провел рукой по волосам, прежде чем он снова обратил внимание на работы Эммы. Тинк заметила, как его руки дрожали, держа картины.

— Ты должен поговорить с ней, Киллиан, — сказала она тихо.

Он покачал головой.

— Это была *ошибка*, Тинк. Это ничего не значило, — сказал он неубедительно.

Тинк вытащила из кармана сложенную бумагу, развернула её и положила на стол перед глазами Киллиана. Это был его рисунок. Тот, который он начал той ночью, когда рисовал

Эмму. Он продолжал рисовать его каждую жалкую ночь против своей воли. Он пытался оставить рисунок незавершённым, но каждую ночь он не мог уснуть, пока немного не порисует.

Он поднял голову, обвинительно посмотрел на Тинк, которая даже не вздрогнула, а лишь пожала плечами.

— Ну, ты помогаешь мне, а я тебе, — она мягко указала на рисунок. — Кого ты последний раз рисовал, спящей в кровати?

Челюсть Киллиана сжалась, он закрыл глаза, когда воспоминания снова всплыли у него в голове, а призрачная боль в левой руке стала почти невыносима.

— Ты же знаешь, кого, — прошептал он.

Тинк грустно кивнула.

— Она что-то значит, Киллиан. Ты просто напуган, чтобы признать это, — она погладила его по щеке, заставляя обратить на себя внимание. — Ты сломан. После смерти Милы ты больше не рисовал. Ты перенёс своё горе в граффити, одна часть тебя даже не попыталась вновь стать художником, а другая переключилась в куратора, работа которого ничего не значит. Ты не рисовал, потому что боялся, что эти две части соприкоснутся и ты станешь собой. А теперь они соприкасаются. *Из-за Эммы.*

Киллиан отвёл взгляд, сосредоточенно глядя на рисунок. Руки Тинк потянулись к его рукам, и она сжала правую руку, держа другой рукой обрубок.

— Она заставляет тебя снова рисовать, не так ли?

— Рисовать раскрашивать, творить. Всё это! — вздохнул он. — Я больше не могу спать. Я все время вижу в своей голове эти образы, — он посмотрел на Тинк. — Я не знаю, смогу ли.

Тинк провела пальцами по линиям на рисунке.

— Посмотри на эти линии. Киллиан, когда ты в последний раз рисовал? — спросила она.

— Десять лет назад, — признался он, проводя своими пальцами по рисунку, на который он потратил бессонные ночи.

— Вот же ублюдок, — сказала Тинк. — Ты не рисовал десять лет и твой рисунок выглядит вот так? Я ненавижу тебя.

Киллиан усмехнулся.

— Может, он не так уж и плох, — признался он и обнял Тинк. — Спасибо, — прошептал он.

— Без проблем, — ответила она.

Это было за день до открытия. Киллиан делал последние штрихи выставки, поправляя картины, когда позади себя услышал знакомый голос.

— Почему нет фотографии художника в брошюре выставки? Мне хотелось посмотреть, как она выглядит, — Киллиан медленно обернулся и увидел Лиам, который стоял посреди зала и смущенно улыбался. — Полагаю, мне придется подождать до завтрашнего вечера, — сказал Лиам, пройдя оставшуюся дистанцию, и обнял Киллиана.

— Добро пожаловать, брат, — сказал Киллиан, его голос напрягся от волнения.

— Спасибо, — сказал Лиам, вытаскивая фляжку из кармана. — Я взял ром, давай посидим где-нибудь и ты мне всё расскажешь.

— Разве Тинк уже не рассказала тебе? — Киллиан спросил, подняв бровь. Вытащив зубами пробку фляжки, он сделал глоток.

— Я хочу услышать твою версию, — ответил Лиам, делая глоток.

— Да. Но сначала мне нужно сделать последнюю проверку зала. Хочешь присоединиться ко мне? — спросил Киллиан.

— Веди, младший братишка.

Они сидели бок о бок на одной из скамеек в выставочном зале. Киллиан вздохнул, заканчивая историю.

— Может, я и хочу снова рисовать, — сказал Киллиан, — я всё еще люблю это. Но художник — это только одна часть меня. И я давно потерял эту часть. Я не художник. Уже нет. Не через все эти годы кураторство.

Лиам озадаченно посмотрел на него.

— Почему ты думаешь, что ты должен быть или тем, или другим? Ты никогда не был никем из них, Киллиан.

Киллиан озадаченно посмотрел на Лиам, и тот, вздохнув, заговорил.

— Когда мама впервые потащила нас в Национальную галерею, тебе было меньше пяти лет. Когда мы зашли, ты, открыв рот, ходил от одной картины к другой и просил меня читать имена художников на картинах, — Лиам улыбнулся, вспоминая это. — И когда мы вернулись домой, ты не просто рисовал, Киллиан. Ты проводил целые дни, выставляя свои работы в комнате, играя в музей. Музей, братишка.

Киллиан недоверчиво улыбнулся, пытаясь вспомнить эти моменты.

— Серьезно?

— Ты никогда не был художником или куратором, — яростно сказал Лиам. — Ты всегда был и тем, и тем. Ты всегда был одним целым, — он указал на картины на стенах. — Это означает не то, будешь ли ты снова рисовать девушек. Это означает то, что ты тот, кем всегда был. *Кем хотел быть.*

— Единым целым, — он вздохнул, сказав почти про себя.

— Единым целым, — ободряюще сказал Лиам.

Позже, той же ночью, Киллиан стоял в выставочном зале. Музей был закрыт, но охранник не обратил на него внимание, когда он снова пришел туда. Он запер дверь и долго прогуливался по выставочному залу, молча проворачивая историю Лиам в своей голове. Но эти стены, эти белые стены, на которых висели картины Эммы, будто задохались. Они задохались, а он ощущал этот зуд, этот невыносимый зуд. Он надел наушники, подбирая музыку под настроение, и погрузился в свои мысли. Медленно вынув из сумки балончик краски, он встряхнул его и начал рисовать на одной из стен.

Рисунки

*С каждым днем он был всё ближе,
В глубине души он знал, что он уже не тот,
Хотел бы остаться тут и быть как все,
Но это всё так переоценено.*

Blur — Tracy Jacks

Пронзительный звонок телефона разбудил Эмму, которая беспокойно спала с тех пор, как покинула квартиру Киллиана. Она схватила свой телефон и ответила на звонок, задаваясь вопросом, сколько раз Реджина собирается напоминать ей об одежде на выставку.

— Да, Реджина, на этот вечер я оденусь должным образом. Я обещаю, что не будет разорванных футболок с названиями панк-групп 80-х годов, — сказала она разочарованно.

— Эмма, — тревожный тон Реджины заставил Эмму заволноваться.

— Реджина, всё в порядке? — спросила она, обеспокоенная.

— Я... кое-что случилось с выставкой, — продолжила Реджина. — Тебе лучше самой всё увидеть.

Она была в музее менее чем через полчаса, нерешительно прогуливаясь у входа. Секретарь провел её ко входу в выставочный зал, где стояла Реджина, к которой присоединились двое мужчин среднего возраста. Она нервно посмотрела в коридор, но Киллиана нигде не было видно. Реджина обернулась и коротко улыбнулась Эмме.

— Реджина, что случилось? — спросила Эмма смущенно.

— Эмма, эти джентльмены являются членами совета музея, — Реджина указала на двух мужчин, которые кивнули ей. Эмма коротко пожала им руку, а затем посмотрела на Реджину, которая прокашлянулась и продолжила. — Там проблема... с выставкой. Кажется, кто-то разгромил зал.

Эмма распахнула глаза и не могла сказать ни слова. Краем глаза она увидела, как Тинк стоит в зале и с кем-то разговаривает, смотря на Эмму.

— Мы ужасно сожалеем об этом, мисс Свон, — сказал один из мужчин. — Мы понятия не имеем, как это произошло. Мы проведем расследование и обеспечим наказание за этот акт вандализма.

— О чем вы говорите? Что они сделали? — спросила Эмма, ее сердце начало биться чуть быстрее. — Мои работы повреждены?

— Нет, но пришел наш главный реставратор, чтобы провести тщательное обследование. Мы также пытались дозвониться до Киллиана, но он не отвечает, — сказал другой мужчина, когда они все направились ко входу в зал. — Он был здесь прошлой ночью, потому что всегда осматривает выставки до самой последней минуты, но он не мог... он бы не.., — мужчина затих, и вмешалась Реджина, мягко сжимая руку Эммы.

— Тебе лучше это увидеть, Эмма, — сказала она.

Эмма кивнула и сделала несколько нерешительных шагов ко входу. Она закрыла глаза, входя в комнату, и когда открыла их, то увидела граффити.

Его граффити.

Стены, на которых висели её произведения искусства, были разрисованы спреем, на одной из стен было написано «Потерянная девочка». Это название он выбрал для её выставки. Потом она увидела рисунки: она сразу увидела его движение, его линии. И его подпись, его старая подпись «КД» была в одном из углов стены. Она осмотрела комнату, загипнотизированная его искусством на стенах своей выставки. Но когда она повернула голову к другой стене, она была нетронута. На этой стене висели её выгравированные граффити и медные пластинки.

Это было мощное заявление. Он говорил, что перед выставкой делал последние штрихи. Видимо, это и был его последний штрих. Он пришел и в последнюю секунду сделал её выставку умопомрачительной. Захватывающей. Воодушевленной.

Как и он сам.

Она, сдерживая слёзы, обошла весь выставочный зал и в углу комнаты заметила сложенный лист бумаги, на котором было написано её имя. Она медленно присела, взяла и развернула лист. Она изумленно ахнула, увидев нарисованную себя в постели: линии были прекрасно прорисованы, от этой идеальной композиции Эмма затаила дыхание. Было ясно, что только один человек мог это сделать, потому что эти линии она могла узнать из всех. Внизу рисунка было написано обращение к ней:

— *Я не хотел оставлять это у себя, Свон. Всегда хотел отдать это тебе. Надеюсь, тебе понравится. КД*

Голос Реджины вырвал её из мыслей.

— Они смоят это. Они смоят это до открытия выставки. Они стараются дозвониться до Киллиана, чтобы он смог проконтролировать это.

Киллиан. Она должна была найти его. Поговорить с ним.

Эмма резко обернулась.

— Нет. Я ... я запрещаю им это смывать. Они должны оставить всё как есть, — она

осмотрела весь зал. — Это прекрасно.

— Эмма.., — начала Реджина, — о чем ты говоришь? Ты хочешь, чтобы это осталось на стенах?

— Это искусство.

Реджина распахнула глаза и поняла, что Эмма что-то знает.

— Ты... ты знаешь, кто это сделал?

Эмма кивнула и посмотрела на имя Киллиана под описанием куратора. Реджина проследила за взглядом Эммы и ахнула.

— Серьезно? — спросила она, поворачиваясь к Эмме, чуть ли не задыхаясь. — О, Боже.

— Послушай меня, ты должна сделать так, чтобы эти граффити не смывали, но не сообщай никому, кто их нарисовал.

Реджина незаметно ухмыльнулась, изучая стены.

— А он хорош, — призналась она.

— Я знаю, я ему говорила, — Эмма вздохнула, провела рукой по лицу. — Мне нужно идти. Ты же позаботишься об этом? — сказала Эмма, на что Реджина кивнула.

Идя к выходу из музея, Эмму перехватила Тинк.

— Твои картины не повреждены. Ничто не повредило их.., — осторожно сказала она, смотря на Эмму.

— Я знаю, — сказала Эмма. — Он бы никогда не испортил произведения искусства. Я знаю это.

Тинк прокашлянулась.

— Он заботится о тебе. Он.. он бы никогда не испортил их..

Эмма кивнула.

— Я... я должна его увидеть.

Картины

*Мы рухнули в любовь
И похоже, что мы могли бы сделать это
Да, похоже, что мы сделали это до конца*

Blur — To the end

Она настойчиво постучала в его дверь, и все её тело застыло в ожидании. Она задумалась над тем, что она скажет ему, но ей всё равно казалось, что это полная чушь. Она забыла всё, что хотела сказать, когда он открыл дверь: его волосы были так же растрепаны, он был в выцветших джинсах и белой футболке с пятнами краски на ней. Он не поднимал взгляд, но Эмма всё равно видела его усталость. Но когда он поднял взгляд и посмотрел на нее, она увидела гораздо большее — чувство разочарования.

— Эмма? — невольно сказал Киллиан, от чего у Эммы пересохло в горле.

— Киллиан.., — начала она, ее собственный голос стал менее уверенным, чем она этого хотела. — Могу я войти? — спросила она. Он наклонил голову, прищурил глаза, и пытался ее прочитать. Он был психически и эмоционально истощен после того, как ночью разрисовал выставочный зал, а сейчас начал рисовать карандашами на холсте. Он вздохнул и отошел от двери, пропуская её. Она сделала несколько нерешительных шагов, повернувшись к нему лицом, когда услышала, как дверь закрылась. Они молча стояли там, пока Эмма, сделав глубокий вдох, не заметила пятна краски на рубашке.

— Ты рисуешь.., — тихо прошептала она.

— Да. Пытаюсь, — признался он и почесал за ухом. *Она так любила этот жест.* — Но это сложно, даже то же смешивание красок оказывается проблемой, — смущенно признался он.

— Покажешь? — спросила она, ее голос прозвучал с чувством почтения и уважения.

— Он еще не готов, не на чего смотреть, — уворачивался он, смущаясь.

— Мне бы хотелось всё равно посмотреть, если ты не против. Я пойму, если не захочешь показывать, — сказала она, опустив взгляд в пол.

— Пойдем со мной, — прошептал он. Взяв его за руку, по их телам прошелся электрический ток, что было невозможно проигнорировать. Она позволила ему открыться, показать ту часть себя, которую он скрывал годами.

Когда они зашли в комнату, Эмма увидела импровизированную комнатку с мольбертом и холстом и маленьким столом с краской и кистями. Она держала его за руку, медленно приближаясь к холсту, и посмотрела на линии на пейзаже: волны моря, побережье и две маленькие фигуры. Раскрашено было только несколько областей, но Эмма уже понимала, где и как он хотел раскрасить.

— Я всегда любил импрессионистов: их страсть, желание просто рисовать. Быстро, яростно бежать с мольбертом, пока солнце не зашло, — он начал описывать стиль импрессионистов и она увидела в его глазах страсть. Когда она впервые встретила его, она подумала, что у него нет страсти. Позже она подумала, что он запрятал её в глубину своего сердца и не позволял терять контроль над собой. Но теперь страсть была повсюду. Она потянулась к нему и поцеловала; через секунду он ответил на поцелуй, но внезапно отстранился, смотря на неё.

— Эмма.., — прошептал он. — Я... я забочусь о тебе. И хочу быть честным с тобой, — вздохнул он, отпустил руку Эммы и провел по волосам. — Я пытаюсь потому, что напуган. Но я никогда не стану просто художником, — решительно сказал он. — Я не могу быть только художником. Я всегда буду куратором. Мне нравится быть куратором, это... это не изменится. Так что прежде чем совершить ошибку, подумай о моих словах.

Она коснулась его щеки, разглядывая шрам.

— Я любила твои граффити. Я была в музее этим утром, они позвонили мне, и я увидела выставочный зал, — замолчала она, вспоминая ту красоту, которую видела этим утром.

— Свон, — вздохнул он, посмотрев на неё.

— Я видела себя в этой комнате, Киллиан. И это не из-за граффити. Это из-за тебя, ты связал всё воедино. Мне понравилось то, что ты там сделал не только как художник, но и как куратор.

Она сделала к нему еще один нерешительный шаг, соприкоснувшись телом.

— Киллиан, когда я увидела тебя той ночью, я вышла погулять, чтобы подумать о чувствах к тебе, — она наклонила голову, смотря на него, и почувствовала, как его рука мягко легла на ее талию. — Я думала не о художнике-граффити. Я думала о кураторе, который назвал меня красивой и поцеловал прямо посреди моей мастерской, — прошептала она, приближаясь к его губам. — Я думала о тебе. Всё это время.

Он медленно поцеловал её, притягивая ближе к себе; она обвила шею руками, зарываясь в его волосы. Она стонала ему в губы, позволяя страсти поглотить её, когда он сжимал рукой её бедро. Она медленно отстранилась, поспешно стягивая его рубашку, и поцеловала его в грудь. Поцелуями приближаясь к соску, она медленно обхватила его губами и облизала. Он застонал, притягивая к себе; они оба тонули в жгучем поцелуе. Он повел её к спальне, трогая каждую частичку её тела.

— Я не могу перестать думать о тебе, Эмма. Я хочу нарисовать тебя, раскрашивать, обрисовать каждую улицу граффити изображением тебя, — он начал расстегивать пуговицы ее рубашки одной рукой, с чем она ему помогла. Он мягко толкнул её на кровать, нависая сверху, водя рукой по изгибам тела. — Я хотел бы вылепить из мрамора твои контуры, Эмма.

Она потянулась, чтобы поцеловать его, притянув его к себе ближе. Поддавшись бедрами

вперед, она почувствовала, как страсть поглощает её. Он зарычал, почувствовав близкий контакт, его брюки уже не скрывали того, что он хочет её.

— Ты понятия не имеешь, как я хочу тебя, Эмма, — прошептал он ей в губы.

— Это ты понятия не имеешь, как хочу тебя я, — ответила она.

— У тебя есть я, Свон. Я твой. Весь твой, любимая, — уткнувшись ей в шею, он пытался восстановить дыхание.

Она хотела его. Хотела его всего. Хотела, чтобы он растворился в ней. Ладонями она обхватила его лицо, наклонившись, и прошептала на ухо.

— Я хочу, чтобы ты перестал контролировать себя.

И он это сделал. Он снова и снова погружался в нее, глубоко и медленно толкаясь; его рука медленно чертила линии изгибов её тела, а на ухо он бессвязно что-то шептал ей. Она медленно расслабилась под ним, когда достигла удовольствия, а он продолжал ритмично двигаться в ней, пока сам не задрожал и не уткнулся ей в плечо. Медленно выйдя из неё, он упал рядом, притянув её ближе. Она прижалась к его груди, смотря на улыбающееся довольное лицо.

— Ты выглядишь усталым, — сказала она, заметив мешки под глазам, проведя пальцем по шраму на щеке.

— Я не спал, — застенчиво признался он.

Она посмотрела на него, опираясь подбородком на грудь.

— Я тоже. Я... я скучала по тебе.

— И я скучал по тебе, а теперь спи, любимая, — прошептал он и поцеловал её в макушку.

Проснувшись через несколько часов, он стоял и смотрел на холст, изучая контуры и линии. Он почувствовал, как она подошла и обняла его сзади. Обернувшись, чтобы полюбоваться ею, он увидел, что она стоит в одной из его футболок. Он наклонился к ней, нежно поцеловав и держа подбородок большим пальцем правой руки. Немного отстранившись, она отошла от него.

— Мы опаздываем. Скоро открытие выставки, — напомнила она ему.

— Ну, ты же можешь опоздать..., — он вскинул бровью, обняв её, покачиваясь из стороны в сторону.

— Нет. Не могу. Я бы хотела, но ты же знаешь, что мы не можем, — ответила она. — Тем более мне нужно зайти домой и переодеться, я обещала Реджине, что буду не в майке с изображением панк-группы 80-х и не в том, в чем сейчас.

— Тем не менее, сейчас ты выглядишь великолепно, — улыбка немного спала, и он посмотрел на неё. — Эмма, что думаешь насчет того, чтобы я забрал тебя из дома и мы вместе бы поехали на выставку?

Она вскинула бровью, ухмыляясь.

— Ты приглашаешь меня на свидание в музей?

— Думаю, да, — признался он.

— Я согласна. Приезжай в семь. И не опаздывай, — сказала она, оставив на его губах поцелуй.

— Не опоздаю.

Выставка

*Я счастлив весь оставшийся день
Со знанием того, что этому будет отдана
Частичка моего сердца..*

Blur — Parklife

Эмма услышала стук в дверь и напоследок посмотрела в зеркало, прежде чем открыть. От вида Киллиана, стоящего перед ней, Эмма затаила дыхание. Черный костюм с чёрной рубашкой, из-под расстегнутых пуговиц которой виднелась белая футболка. Киллиан посмотрел на Эмму, открыв рот: она была в чёрном платье, подчеркивающее её черты лица, волосы были убраны в хвост, а губы накрашены ярко-красной помадой.

— Ты выглядишь потрясающе, Свон, — сказал он шепотом.

Она наклонила голову. Он был красив, как и обычно, но всё равно выглядел иначе: волосы были слегка взъерошены, в глазах озорной огонёк.

— Ты выглядишь..., — начала она, но он оборвал её на полуслове.

— Я знаю, — сказал он самодовольно, на что она закатила глаза, заметив цепь на поясе.

Она ухмыльнулась.

— Мы даже оделись соответствующе, — она развернулась, и он увидел, что на спине у неё были цепочки и молнии.

— Свон, — хрипло прошептал он, обняв её за талию, прижав к своей груди. Он наклонился, оставляя мягкие нежные поцелуи на затылке, опускаясь к шее и ключице.

Она глубоко вздохнула, осторожно отошла от него, повернувшись передом и искренне улыбнулась.

— Я действительно не хочу опоздать на свою первую персональную выставку.

Он улыбнулся и кивнул ей, приложив руку к губам, и оставил поцелуй на костяшках её руки.

— Да, миледи.

Когда они зашли в выставочный зал, они почувствовали энергию. Они видели, как люди оживлялись, когда осматривали её картины. Все были поражены этим талантом. А он был поражён ею.

Он улыбнулся ей.

— Чувствуешь? — сказал он, когда она сплела их пальцы в замок. — Это успех, Свон.

— Как ты можешь говорить об этом только в начале выставки? — спросила она с любопытством.

— Посмотри на их лица, на то, как они восхищаются твоим талантом, — он посмотрел на неё, подавляя желание поцеловать. Он хотел поцеловать её, но знал, что сейчас не время. Поэтому он поднёс руку Эммы к своим губам и поцеловал. — Это твоя ночь, любимая.

Чуть позже они стояли в кругу членов совета музея: Реджина всё же скрыла тайну того, кто же нарисовал граффити, но у членов музея всё равно были вопросы.

— Это было сделано с моего разрешения, — уверенно сказал он, обнимая Эмму за спину.
— Эмма упоминала, что граффити вдохновляют её, поэтому я проследил за художниками и убедил их принять участие, — он наклонил голову, слегка улыбнувшись.
— Учитывая характер их работы, они предпочитают оставаться анонимными, поэтому мне пришлось их уговаривать.

— Но как Вы их нашли? — спросил один из членов совета.

Киллиан улыбнулся.

— Я хорошо справляюсь со своей работой. И я достаточно убедителен, — Эмма сдерживала смех. Киллиан покосился на неё, продолжая. — Когда они услышали, что их граффити вдохновили мисс Свон, они были более, чем готовы... помочь..

Он выделил последнее слово, опустив руку со спины на более непристойное место, от чего Эмма покраснела. Его кончики пальцев мягко ласкали голую кожу на спине между вырезами ее платья, и она чувствовала, как её тело реагирует на его прикосновения. Члены совета попрощались, ссылаясь на то, что им нужно поговорить со спонсорами, а Киллиан и Эмма остались наедине. Они обошли весь зал и дошли до той части выставки, где была создана композиция из картин. Та самая, которую он собрал в тот день, когда они открылись друг другу. Она будто загипнотизированная смотрела на композицию, и именно на этой стене было граффити с надписью «Потерянная девочка». Сзади них послышался кашель женщины, и они повернулись.

— Дэвид! Мэри Маргарет! — радостно сказала она, обняв их, и повернулась к Киллиану.
— Киллиан, это Дэвид и Мэри Маргарет, — сказала она, улыбаясь.

Киллиан улыбнулся, пожав руку Дэвиду и поклонившись Мэри Маргарет.

— Приятно познакомиться. Я так много слышала о тебе от Эммы.

Дэвид заметил, как близко Киллиан и Эмма стояли рядом друг с другом.

— На самом деле мы ничего не слышали о тебе, — сказал Дэвид, на что получил удар по плечу от Мэри Маргарет и недовольный взгляд Эммы. Киллиан, с другой стороны, спокойно смотрел на него, слегка приподняв бровь.

— Эмма, тут так красиво, — сказала Мэри Маргарет, меняя тему. Эмма просияла, осмотрев зал.

— Спасибо, — сказала она, — но благодарить нужно Киллиана.

— Чепуха, Свон. Это всё твой удивительный талант, — ответил он, улыбаясь ей.

Дэвид заметил их мягкие прикосновения, улыбки, легкость, с которой они разговаривают друг с другом. И он знал, что это может означать только одно. Он собирался включить строгого брата, но заметил, как они смотрят друг на друга: он заметил в глазах Эммы счастье, когда она смотрела на Киллиана, а он с восхищением посмотрел на нее. Дэвид вздохнул и улыбнулся ему.

— Думаю, мы должны как-нибудь поужинать вместе, — вежливо сказал он.

Киллиан улыбнулся в ответ.

— С удовольствием.

— Хорошо, нам нужно идти, а Киллиан и Эмма ещё должны поговорить со многими людьми, — улыбаясь, сказала Мэри Маргарет. — Поздравляю, Эмма!

Когда они ушли, Эмма повернулась, чтобы посмотреть на стены, любясь граффити Киллиана. Утром она не смогла подробно осмотреть стены, но сейчас она изучала каждый контур, каждую линию.

— Я рад, что более менее понравился им, — почесав за ухом, сказал Киллиан.

— Всё прекрасно, — ответила она, теряясь в его голубых глазах. Он улыбнулся, наклонившись, его губы почти коснулись её, когда их прервали.

— Могу ли я прервать вас? — спросил Лиам, держа за руку Тинк, и улыбался.

— Ты, должно быть, Лиам, — улыбаясь, сказала Эмма.

— Ты, должно быть, Эмма. Приятно познакомиться с тобой, — Лиам сказал, взял Эмму за руку и мягко поцеловал ее пальцы, прежде чем снова взглянуть на Киллиана. — Итак, нужно ли мне тратить мои драгоценные часы небольшого отпуска, чтобы выяснять ситуацию с граффити?

Киллиан ухмыльнулся брату, пожал плечами.

— Думаю, нет.

— Ну, кто поверит в то, что драгоценный куратор Киллиан Джонс, публично презирающий современное искусство, на самом деле рисует граффити? — Тинк удивленно взглянула на Киллиана, высунув язык. — Давай смотреть правде в глаза: ты придумал хорошее прикрытие тому, что уходишь поздно из музея — ты уходишь рисовать.

— И я намерен продолжать это делать, — сказал он, понизив голос. — Думаю, мне не нужно напоминать, что не нужно ходить в тех местах Лондона, где я рисую? — вскинул бровью.

— Так, хватит, — сказал Лиам, — нам пора, — Лиам похлопал брата по плечу. — Всё выглядит чудесно, младший братишка. Надеюсь, что у меня еще будет шанс увидеться с тобой, Эмма.

— С удовольствием, — улыбнулась ему Эмма.

Они продолжали ходить по залу, разговаривая с критиками, художниками и кураторами и оба сияли от комплиментов. Когда ночь подошла к концу, они пошли вместе к выходу. Эмма остановилась у входа в зал, последний раз взглянув на выставку, и затаила дыхание. Она обернулась, взглянув на темноволосого куратора с голубыми глазами. Она улыбнулась, обхватив руками его шею.

— Они были правы, — сказала она.

— В чем? — спросил он мягким шепотом, заправляя её прядь волос за ухо.

— Ты лучшее, что случилось с моей выставкой.

Он наклонил голову, мягко улыбаясь.

— Со временем я бы хотел стать лучшим в твоей жизни, Эмма. Потому что ты уже стала для меня лучшей, — он смотрел на неё. — И это что-то значит для меня, — закончил он, касаясь губами её губ.

Она наклонила голову, прижимая его к себе, путаясь пальцами в волосах.

— Пошли отсюда, иначе это произойдет прямо здесь...

Разомкнув губы, у неё вырвался смешок.

— Рискнешь испортить свою репутацию? Киллиан Джонс — экстраординарный куратор со спущенными штанами посреди музея. После такого тебя точно не примут работать в музей Орсе.

— Ты стоишь того, — сказал он, целуя её.

— Я бы не поступила так с тобой, — сказала она. — Даже несмотря на то, что я очень

хочу тебя.., — добавила она шепотом, от чего он застонал.

— Что скажешь на то, что мы уйдем отсюда, и я покажу тебе, как правильно рисуются граффити? — он вскинул бровями. — Пойдём же, разрисуем твою мастерскую.

Она удивленно посмотрела на него.

— Вы хочешь испортить мою мастерскую своим вандализмом?

Он наклонил голову, пальцем коснувшись её носа.

— Это не вандализм, это искусство. Ты сама так сказала, Свон, — последний раз поцеловав в губы, он взял её за руку. — Пойдем, я покажу тебе все свои трюки, — он наклонился к ней, добавив шепотом на ухо. — И они касаются не только граффити.

— С нетерпением жду этого.

Проникновение

Как только Киллиан с Эммой зашли в квартиру, он отбросил свою куртку и начал расстегивать черную рубашку.

— Я думала, мы собираемся рисовать граффити..., — начала поддразнивать его Эмма. Приближаясь к нему, она приложила руку на его грудь, спрашивая разрешения помочь. Он кивнул, позволив ей расстегнуть пуговицы рубашки и снять её с себя. Она усмехнулась, увидев под черной рубашкой белую футболку для рисования.

— Что же, это больше подходит для рисования, — согласилась она, поцеловав его. Он наклонил голову, углубляя поцелуй, запустил руку в её волосы, притягивая к себе ближе. Она медленно отстранилась и пошла в другую комнату. Повернув голову к нему, она улыбнулась.

— Я скоро вернусь. Переоденусь только.

— Нужна помощь, любимая? — спросил он, вскинув бровями.

Она покрутила головой.

— Не нужно, оставайся здесь.

Вскоре Эмма вернулась, переодевшись в драные джинсы и черную свободную футболку. Киллиан снял ботинки и стоял босиком, рассматривая балончики с краской. Эмма стояла и пару секунд наблюдала за Киллианом, смотря, как он внимательно изучает этикетки балончиков. Он выглядел таким же невероятным, как и в первый день из знакомства. Киллиан, почувствовав её присутствие, обернулся. Он осмотрел её, ухмыльнувшись.

— О, ты выглядишь..., — изумленно смотря, сказал он.

— Ты предпочитаешь *это* моему черному платью? — спросила она, приподняв бровь.

Он схватил её за руку и притянул к себе ближе.

— Ты не представляешь, как мне нравятся эти джинсы и футболка, Свон, — сказал он низким голосом.

Она улыбнулась, взяв его за руку.

— Я должна кое в чём признаться. Мне тоже они нравятся, — призналась она и поцеловала его, наклонившись к нему. Он хотел притянуть её ближе, но она отстранилась, схватила его за рубашку и потащила к одной из стен.

— Я хочу, чтобы ты рисовал.

Он бесцеремонно улыбнулся и взял балончик. Держа локтевым суставом банку, правой рукой он открыл крышку.

— Смотри и учись, Свон.

Киллиан секунду стоял перед белой стеной, осматривая поверхность. Он встряхнул балончик и быстрым движением руки начал рисовать на стене. Эмма, будто загипнотизированна, наблюдала за тем, как он быстрыми движениями рисует ровные линии; двигая запястьем вперед-назад, он рисовал на стене безупречные контуры. Эмма видела, как буквы её имени на стене будто оживают, и улыбнулась, увидев её фамилию черной красной на белом фоне.

Киллиан обернулся и улыбнулся ей.

— Нравится?

Она кивнула.

— Это прекрасно.

— Иди сюда, — сказал он, и она подошла к нему. Киллиан протянул ей банку и повернулся лицом к стене. Он встал позади неё, прижавшись грудью к спине, и взял её руку с балончиком в свою.

— Уверенно надавливай на балончик, — сказал он, нажимая пальцем балончик, откуда брызнула краска. Он осторожно направил её руку на стену, следив, чтобы линии были не такими кривыми. — Держи свое запястье ровно и уверенно. Каждую линию или контур делай отдельно, распыляя краску на каждую линию по отдельности, — на ухо он шептал инструкции.

Он перевел свою руку на середину балончика, надавливая пальцами. Он медленно начал двигаться пальцами по банке, а левым обрубком, которым он прижимал бедра Эммы к себе, медленно начал двигать телом в такт движениям руки.

— Двигайся в такт линиям, Свон, — его щетина щекотала ей шею. — Так и делай, Свон: двигайся в такт своим движениям руки. Двигай своим телом, милая. Взад и вперед, — шепотом закончил он, прижавшись бедрами к ней сзади.

Эмма глубоко вдохнула, наблюдая за фигурой лебедя, которая теперь украшала её стену. Прерывисто дыша, она медленно опустила свои руки с балончиком. Повернувшись, она уронила балончик краски на пол, набросившись на Киллиана с поцелуем. Она схватила его за рубашку, притягивая ближе; он прижал Эмму к стене, избегая окрашенных областей. Он поцеловал её в шею и прижался бедрами, медленно потерся ими. Его рука скользнула под её футболку, медленно лаская грудь, от чего Эмма застонала. На секунду он отстранился, смотря ей в глаза.

— В спальню? — спросил он хриплым голосом.

— Да, — согласилась она, он быстро подхватил её на руки и понёс в спальню.

На следующее утро Киллиан, проснувшись, увидел, как Эмма спит у него на плече, положив руку к нему на грудь. Он вздохнул, мягко поцеловав в голову.

— Который час? — пробормотала она.

— Понятия не имею, но не думаю, что рано, — ответил он, отстранился, взяв телефон. — Видимо, я опоздаю на бранч с Лиамом.

— На бранч? — удивленно спросила она, надев рубашку и шорты.

— У Тинк свои причуды. Бранч — одна из них, — объяснил Киллиан, потянувшись за своей одеждой.

— Я тоже договорилась встретиться с Дэвидом и Мэри Маргарет. Перед уходом выпьем по чашечке кофе?

— Звучит здорово.

— Пойду включу кофе-машину.

Они пили кофе, улыбаясь друг другу, и услышали звонок в дверь. Эмма открыла дверь, и в квартиру зашла Реджина, ненадолго остановившись, когда заметила Киллиана, сидящего на одном из табуретов. Она посмотрела в гостиную, увидев разрисованные стены, и вскинула бровью.

— Интересно, — сказала она, — в городе теперь каждую ночь будут появляться граффити на стенах?

Киллиан усмехнулся, глядя на Эмму, и тоже вскинул бровями.

— Думаю, на этой ноте я вас покину, — сказал он, допил кофе и схватил свой пиджак со стула.

— Мистер... Джонс, — сказала Реджина, всё еще осматривая разрисованную стену. — Если Вы когда-нибудь решитесь перенести свою работу со стен на холст, то позвоните мне.

— Непременно, — ответил Киллиан и поцеловал Эмму в щеку. — До встречи. Позвоню тебе позже, — прошептал он, покинув квартиру. Эмма с улыбкой наблюдала вслед Киллиану, а затем повернулась к Реджине, которая всё еще стояла посреди гостиной и осматривала стены, скрестив руки на груди.

— Ну? — спросила Эмма. — Какие отзывы о выставке?

— Это успех! Ну, думаю, ты знала это, — Реджина ухмыльнулась. — Некоторые

коллекционеры заинтересованы в покупке твоих новых работ.

— Они не продаются, я могу сделать для них любые другие, но эти не продаются, — быстро сказала она.

— Я уже поняла, что произошло прошлой ночью между тобой и твоим предполагаемым почтенным куратором, который покинул эту квартиру в рубашке с панк-группами, — вздохнула она, осматриваясь в гостиной Эммы. — Я сказала коллекционерам, что, скорее всего, ты хотела бы сохранить эти работы для своей коллекции, но ты готова будешь нарисовать для них уникальные работы.

— Ты прекрасна, Реджина! — признала Эмма.

— Я знаю, — самодовольно ответила Реджина, с любопытством смотря на Эмму.

— Реджина? — спросила Эмма. — Что-то ещё?

Реджина вздохнула, серьезно взглянув на Эмму.

— Эмма, твои работы фантастические, критики это признали. Ты создала свой прорыв в стиле и в самом искусстве. Но и Киллиан тоже. То, что он сделал, может революционизировать кураторскую работу. Стены, разрисованные граффити, в дополнение к художественной выставке? Это не просто вдохновляюще, но и инновационно! Это скачок в профессии. Все будут говорить об этом, этому будут учить в художественных школах. Это только вопрос времени, когда лучшие музеи мира будут приглашать его к себе, — сказала Реджина, продолжая рассматривать граффити.

Орсе, — подумала Эмма.

Реджина повернулась, ухмыляясь.

— Вот почему я заставила тебя согласиться с ним работать. И я не ошиблась, как обычно.

— Я знаю. Давай, скажи мне: «Ну, я же говорила!» — Эмма закатила глаза, посмотрев на Реджину.

Реджина ухмыльнулась, направляясь к двери.

— О, мисс Свон, ты очень хорошо знаешь, что именно это я и скажу. Я ещё хочу повисить комиссию с продажи картин с 5% до 7%, как только цены на твои работы возрастут. Поверь мне, с каждым днем они будут расти.

— Не сомневаюсь в этом. Спасибо, Реджина.

— Пожалуйста, Эмма, — сказала Реджина, открыла дверь и ушла.

На телефон Эммы пришло сообщение, она быстро схватила его и улыбнулась, прочитав имя Киллиана на экране.

- Рискую показаться слишком банальным, но скажу, что уже хочу тебя увидеть. Сходим куда-нибудь сегодня вечером?
- Не люблю куда-то бежать, сломя голову.
- Замечательно, я тоже. Посидим с пиццей и посмотрим фильмы? У меня удобный диван.
- Я принесу пиво.

Безумно влюблённый

*В каждой газете, что ты читаешь
Пишут, что завтра у тебя счастливый день.
Ну, вот он и настал — счастливый день.*

Blur — The Universal

Эмма услышала, как дверь открылась и быстро подняла взгляд от книги, которую она читала, сидя на диване. Она улыбнулась, увидев Киллиана в выцветших рваных джинсах, панк-рубашке и черной кожаной куртке.

— Снова дурачились в музее? — спросила она.

— Свон, это искусство, ты сама так сказала, — он ответил, проведя рукой по волосам, взлохмачивая их и самодовольно улыбаясь.

Трюк, который он выполнил как куратор, используя граффити на стенах выставки Эммы, вызвал довольные возгласы критиков: они остались под большим впечатлением от этой идеи, некоторые из них отметили интересный контраст между уличным и традиционным искусством. Воспользовавшись шумихой, Киллиан отважился передать эту идею Совету музея. Он хотел посмотреть на выставку, которая была бы направлена исключительно на уличное искусство и граффити. Он хотел собрать уличных художников в музей, чтобы они сделали своё дело. Ему не потребовалось много времени, чтобы убедить их, и он решил начать подготавливать выставку: для этого он связался с несколькими местными художниками и несколькими его старыми помощниками из лондонской подземки. Для многих из них стало неожиданностью услышать о работе Киллиана в качестве куратора, но все они были рады, что им представилась возможность распылить краску в музее. Киллиану удалось убедить Совет музея позволить им рисовать ночью, заявив, что некоторые из художников хотели бы остаться анонимными. Он, как куратор, будет присутствовать всю ночь, чтобы проконтролировать ситуацию.

Так он сказал совету музея. И они купились на это.

И вот он вернулся домой после того, как дурачился вместе со своими старыми товарищами, распыляя краску на стенах музея. Музыка громко играла из колонок, а он просто делал своё любимое дело. Как и мечтал много лет назад — *уличное искусство в музее*.

Киллиан улыбнулся, посмотрев на причину того, почему он сейчас занимается любимым делом. И эта причина — *Эмма*. Если бы не она, его бы здесь не было. Он сейчас по-настоящему счастлив: он куратор, рисует в любое время граффити и не только. *А ещё он с ней*. У него было всё, что он хотел. Он думал, что у него никогда не будет его работы, страсти и... любви. В этот момент ему пришло осознание всего. *Он любил её*.

Он подошёл к ней, пристально осматривая. Эмма наклонила голову, заметив изменения в его лице.

— Всё в порядке? — нерешительно спросила она.

Прошло всего несколько месяцев, но он знал, что она всё ещё осторожно в плане любви из-за того, что пережила в прошлом. Но он готов ждать её. В конце концов, у него было всё время мира. Он наклонился, слабо поцеловав её в губы.

— Спасибо, Свон, — прошептал он, — меня бы здесь не было, если бы не ты, любимая. Я первый раз за десять лет так счастлив, — смело сказал он.

— Я тоже, — призналась она, прижавшись лбом к его лбу.

Через несколько недель она обнаружила его сидящим посреди ночи за кухонным столом. Он работал над новой выставкой, которую он мечтал сделать с самого начала своей карьеры, и он, наконец, решился это сделать. Выставка была посвящена целиком и полностью искусству 19-го века. Он собрал картины со всего мира, чтобы сделать из них композицию. Она подошла и села рядом с ним.

— Я... я почти закончил, — сказал он, но она знала, что это ложь. Он сосредоточился на маленьких вариантах известных картин, руками перебирая их и пытаясь собрать в одно целое.

Эмма была загипнотизирована его чертами лица: брови были нахмуренны, левая рука лежала на столе. Она осмотрела стол, увидев несколько созданных композиций. Она знала все эти картины, она видела их в книгах и музеях, она подробно изучала их. Но сейчас, видя композиции из этих картин, она будто по-новому на них посмотрела. Захватывало дух видеть его в действии, ведь он делал то, что он действительно любит. *То, что он мечтал делать в течение многих лет.* Она увидела, что он улыбнулся, составив ту композицию, которой остался доволен. Видя его счастливым, это делает счастливой и её. Это то же самое, если бы можно было навести порядок во Вселенной; все части композиции, сочетающиеся в идеальном ключе, создавали шедевр искусства. Или захватывающую выставку. А у Киллиана хорошо получалось и то, и другое.

Именно тогда она поняла, что они идеально подходят друг другу. В течение нескольких месяцев они были вместе, строили планы — это было, своего рода, их шедевром.

И она не хотела, чтобы это заканчивалось.

Казалось, он почувствовал её смену настроения и обеспокоенно посмотрел на неё.

— Ты в порядке, любимая? — спросил он.

— Я люблю тебя, — сказала она, смотря на него.

Медленно погладив её по щеке, он удивленно посмотрел на неё, после чего улыбнулся.

— Я тоже тебя люблю, — сказал он, целуя её.

Она с любопытством посмотрела на него, когда он отстранился.

— Как давно ты знал о моих чувствах? — спросила она.

Он ухмыльнулся.

— Достаточно. Я дал тебе время, чтобы ты сама осознала их.

Она снова улыбнулась, кусая нижнюю губу, наклонив голову.

— Ты проводишь здесь очень много времени, — сказала она, протянув свою руку к нему.

— Я знаю, — сказал он, переплетая пальцы их рук.

— Мне нравится, что ты проводишь здесь много времени...

— Вот как? — спросил он.

— Да.

— Знаешь, Свон, — сказал он, подвинув её табуретку ближе к своей. — Мой чердак пустует и... я мог бы... мы могли бы..., — прошептал он.

Она медленно встала, отпустив руку, встала между его ног, обняв за шею.

— Создать ещё больше пространство для того, чтобы я рисовала, а ты работал там в качестве куратора? — сказала она. — Это будет новая ступень в отношениях для нас, не так ли?

Он ухмыльнулся ей в губы.

— Да, спальня же уже и так идеальна, — радостно сказал он. — Свон, ты хочешь жить со мной? — спросил он.

— Хочу.

Эпилог

Год спустя...

Киллиан стоял перед незавершённым холстом, наклоняя голову и изучая линии композиции. Большим пальцем он провел по одной из линий, чувствуя грубую текстуру масляной живописи.

— Если ты продолжишь неотрывно рассматривать холст, то мы опоздаем.

Он обернулся и увидел Эмму, которая стояла с кружкой у входа в их мастерскую.

— Ничего страшного, Свон. Мы можем опоздать, — пожал он плечами.

— Ничего страшного? — спросила она недоверчиво. — Это твоя первая выставка, Киллиан! — сказала она, будто гордилась этим больше, чем он сам.

— Это всего лишь несколько картин в небольшой галерее, — оспорил он, опустив взгляд.

— Это даже не отдельная выставка.

Она подошла к нему, ладонями взяла лицо, чтобы он перевел на неё взгляд.

— Эй, нервничать — это нормально, — улыбнулась она ему. — Я тоже нервничала на своей выставке. Но твои работы хороши. Ты хорош. Даже Реджина это признала.

Он нежно поцеловал её в губы, прикрыв глаза, позволил почувствовать её утешение, её поддержку. *Её любовь.*

— Спасибо, — прошептал он ей в губы, разглядывая лицо.

— Пожалуйста, — она прикусила нижнюю губу и отстранилась, вернувшись к своей кружке и эскизам работ на своём столе. Скоро у неё будет новая выставка и она перебирала предложения, которые ей предоставил её новый куратор.

Киллиан наблюдал за ней: на её золотистые волосы падали солнечные лучи из окон, легкими движениями руки она перебирала свои эскизы. Он осмотрел их теперь уже совместную мастерскую: все стены были в граффити, которые они рисовали в ночь на её первую выставку; они были дополнены разными новыми контурами и рамками. Её эскизы работ с первой выставки занимали центральную часть мастерской, а в самом конце, между книжными полками и старым столом были расположены её первые выгравированные граффити.

Переступив с одной ноги на другую, Эмма слабо улыбнулась.

— Всё хорошо, любимая? — спросил Киллиан.

— Я просто кое в чём не уверена, — замолчала она. Киллиан, подойдя к ней, мягко обнял

её сзади. — Вот в этом, — Эмма указала на композицию из её картин. — Как думаешь, хорошая композиция? Ты бы сделал так же?

— Свон, — сказал он укоризненно. — Мы же говорили уже об этом. Будет неуместно, если я буду вмешиваться в работу другого куратора.

— Но это Дом-музей *Рембрандта*, — сказала Эмма, и он знал, как важно было для неё то, что её работы будут выставлены в её любимом музее. — Я доверяю твоему мнению.

— И это их куратор. Они доверяют ему. Он хорош.

— Не так хорош, как ты, — сказала она сдержанно, улыбаясь.

Он ухмыльнулся.

— Ты льстишь мне, любимая. Но работать ты должна с ним. Просто, знаешь, не иди у него на поводу.

— Как будто я это когда-то делала, — он повернул Эмму к себе, нежно целуя в губы и притягивая за талию ближе к себе.

Она заметила, как его глаза начала осматривать эскизы работ, когда он отстранился — она видела его печальный и потерянный взгляд.

— Киллиан? — спросила она. Он посмотрел на неё, мягко улыбнувшись.

— Звонили из *Орсе*, — тихо прошептал он, его глаза загорелись от возбуждения. — Они хотят встретиться со мной.

— Киллиан! — Эмма бросилась в его объятия. Он обнял её, уткнувшись в шею. — Думаешь, они хотят предложить тебе работу?

— Ну, они намекнули на это. А ещё пояснили, что не разрешат мне рисовать граффити на их стенах, — его голос был приглушенным, но, когда он поднял голову и посмотрел на нее, она улыбалась ему. Большим пальцем руки он погладил её щеку.

— Если мне действительно предложат там работу, не могла бы ты.., — он замолчал, его голос слегка дрогнул, а тело напряглось. — Не могла бы ты поехать со мной?

Эмма наклонила голову, наконец поняв его странное поведение.

— Да, — подтвердила она.

Он улыбнулся, наклонив голову, и поцеловал её, глядя щёку.

— Есть еще кое-что, любимая, — прошептал он, отстранившись.

— И что же? — спросила она удивленно.

— Дай мне секунду, я скоро вернусь, — быстро поцеловав её, он ушел в свою комнату.

Эмма бродила по мастерской, проводя пальцами по линиям граффити на стенах. Через несколько минут Киллиан вернулся, любясь ею. Она повернулась, посмотрев на него, и он, наконец, нашёл мужество, чтобы заговорить.

— Я.. долго думал над этим. Будь то здесь или в Париже.. я хочу быть с тобой. *Я хочу быть твоим*, — он обнял её, смотря в глаза. — У меня был план: я собирался попросить тебя поехать со мной на собеседования в Париж и организовать романтический ужин в Лувре прямо у мраморной скульптуры Ники Самофракийской, когда естественный свет будет падать на твои волосы, показывая истинную красоту, — он почувствовал, как у нее перехватило дыхание, и мягко улыбнулся. — Но так получилось, что я это делаю вот так — в джинсах и панк-рубашке, в месте, где я первый раз тебя поцеловал. Здесь я понял, что ты видела обе части меня. Даже не зная этого. И здесь я узнал твоё прошлое. Здесь я влюбился в тебя, Эмма, — рукой он вытащил из заднего кармана простое гравированное кольцо, сделанное на заказ с одним из его рисунков лебедя. — И здесь я хочу спросить тебя: Эмма, ты выйдешь за меня замуж?

— Киллиан.., — тихо прошептала она, медленно улыбаясь, увидев кольцо.

— Так что, Свон? Выйдешь за меня?

— Да, — сказала она, поцеловав его.